

Дойл А. К.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ:
ТУМАННАЯ ЗЕМЛЯ
ОТКРЫТИЕ РАФЛЗА ХОУ

Артур Конан Дойл. Собрание сочинений

Артур Конан Дойл

**Туманная земля.
Открытие Рафлза Хоу**

«Алгоритм»

1925, 1891

УДК 82/89
ББК 84(4Вл)

Дойл А.

Туманная земля. Открытие Рафлза Хоу / А. Дойл — «Алгоритм»,
1925, 1891 — (Артур Конан Дойл. Собрание сочинений)

ISBN 978-5-486-02950-9

Артур Конан Дойл (1859–1930) — всемирно известный английский писатель, один из создателей детективного жанра, автор знаменитых повестей и рассказов о Шерлоке Холмсе. В данный том вошел роман «Туманная земля» и повесть «Открытие Рафлза Хоу».

УДК 82/89
ББК 84(4Вл)

ISBN 978-5-486-02950-9

© Дойл А., 1925, 1891
© Алгоритм, 1925, 1891

Содержание

Туманная земля	5
Глава первая, в которой специальные корреспонденты приступают к работе	5
Глава вторая, в которой описывается вечер в странной компании	10
Глава третья, в которой профессор Челленджер высказывает свое мнение	20
Глава четвертая, в которой описываются занятия в Хаммерсмите	23
Глава пятая, в которой наши деловые партнеры переживают еще одно удивительное событие	37
Глава шестая, где читатель знакомится с характером и привычками известного преступника	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Артур Конан Дойл

Туманная земля. Открытие Рафлза Хоу

Туманная земля

Глава первая, в которой специальные корреспонденты приступают к работе

Общеизвестно, что имя профессора Челленджера неоднократно использовалось в новейшей беллетристике самым бестактным образом. Дерзкий автор помещал его в немыслимые романтические ситуации, чтобы поглядеть, как тот к этому отнесется. Реакция последовала незамедлительно. Ученый привлек писателя за клевету, предпринял неудачную попытку конфисковать злополучную книгу, устроил погром на Слоун-стрит, дважды лично угрожал автору и в результате потерял место лектора в Лондонской школе субтропической гигиены. И, однако, можно сказать, что все обошлось еще достаточно мирно.

Дело в том, что за последнее время профессор как-то сник. Огромные плечи его ссутулились. В ассирийской окладистой бороде блеснула седина, взгляд утратил былую агрессивность, а голос хоть и раскатисто гремел по-прежнему, но теперь его хозяин не стремился уже заглушить всех вокруг. И все же профессор оставался опасным, и окружающие с тревогой понимали это. Вулкан не потух, а лишь затаился, о чем говорило постоянное угрюмое ворчание, грозившее новым извержением. Жизнь научила профессора многому, но он продолжал сопротивляться ее урокам.

Перемена произошла в нем после определенного события, а именно – после смерти любимой жены. Маленькая женщина, словно птичка, свила гнездышко в сердце этого великана. Он же, как это часто бывает с сильными людьми, относился с особенной нежностью и заботливостью к этому слабому созданию. Отдавая, она, как все кроткие и тактичные женщины, получала все. И потому, когда жена неожиданно умерла от осложнившегося пневмонией гриппа, ученый, казалось, был сражен навсегда. Но он все же поднялся, печально усмехаясь, как нокаутированный боксер, готовый к новым раундам с Судьбой. Однако это был уже другой человек, и если бы не помощь и забота его дочери Энид, ученый, возможно, никогда не оправился бы от удара. Именно она, зная, чем можно заинтересовать страстную, склонную к соперничеству натуру отца, подсовывала ему разные факты и информацию и добилась, наконец, того, что он вновь включился в жизнь. Только когда отец опять почувствовал интерес к спорам, воспылал былой ненавистью к журналистам и начал ворчать почем зря на окружающих, она успокоилась, поняв, что он на пути к выздоровлению.

Энид Челленджер была необыкновенной девушкой и, несомненно, заслужила того, чтобы ей посвятили несколько строк. От отца она унаследовала волосы цвета воронова крыла, а от матери – голубые глаза и белоснежную кожу. Она, пожалуй, не была красавицей, но, где бы она ни появлялась, все взгляды устремлялись к ней. Она казалась тише воды ниже травы, но дух ее был силен. С детства у нее был выбор: либо противопоставить себя отцу и стать личностью, либо уступить его напору и превратиться в марионетку. У нее хватило умения остаться собой, уступая отцу, когда на того «накатывало», и проявляя твердость в более благополучные времена. В последние годы, чувствуя, что ей становится все труднее сохранять независимость, она начала работать. Пописывая в лондонские газеты, девушка настолько преуспела в журналистике, что ее имя стало известным на Флит-стрит. В этом предприятии ей очень помог дав-

ний друг отца, мистер Эдвард Мелоун из «Дейли газетт», имя которого, возможно, уже знакомо читателю.

В Мелоуне еще можно было узнать того атлета-ирландца, который в свое время успешно выступал в международном матче регбистов, хотя жизнь изрядно потрепала его. Он изменился с тех пор, как убрал с глаз долой бутсы. Но хотя мускулатура его заметно сдала, а суставы окостенели, мозг по-прежнему работал преотлично. Юноша превратился в мужчину. Внешне он мало переменялся, разве что усы стали погуще, округлилась талия, а лоб прорезали морщины – следы новых условий жизни в послевоенном мире. Он слыл уже известным журналистом и подающим надежды молодым писателем. Многим казалось странным, что Мелоун все еще оставался холостяком, но в последнее время появилась надежда, что Энид Челленджер испра- вивит это упущение. Стоит ли добавлять, что они были большими друзьями?

Был воскресный октябрьский вечер; в нависшем еще с утра над Лондоном тумане поблескивали первые огоньки. Окна четвертого этажа квартиры профессора Челленджера на Викториа-Уэст-Гарденс плотно окутывала туманная мгла. Снизу доносился слабый шум проезжавшего транспорта, но сама улица оставалась невидимой – лишь неясный отблеск говорил о ее существовании. Профессор Челленджер сидел у камина, засунув руки в карманы и вытянув к огню крупные кривоватые ноги. Одет он был с небрежностью истинного гения: рубашка со свободным воротничком, темно-бордовый, завязанный большим узлом галстук и вельветовый пиджак черного цвета. Все вместе, включая окладистую бороду, создавало облик стареющего представителя богемы. Рядом, уже готовая к выходу, сидела его дочь, на ней было черное платье с укороченной юбкой, круглая шляпка и прочие модные штучки, под которыми женщины умудряются скрывать ту красоту, которой их щедро одарила природа. У окна, держа в руках шляпу, стоял, поджидая ее, Мелоун.

– Энид, мне кажется, нам пора идти. Уже почти семь, – сказал он.

Они писали совместно серию статей о лондонских церквях и религиозных сектах и потому каждое воскресенье отправлялись в новое место, готовя очередной материал для газеты.

– До восьми еще уйма времени, Тэд.

– Присаживайтесь, сэр! Присаживайтесь! – загудел Челленджер, пощипывая бороду – явный признак того, что у него портится настроение. – Ничто так не выводит меня из себя, как человек, стоящий у меня за спиной. Несомненный атавизм, страх, что тебя стукнут по голове дубиной или всадят кинжал в спину, но с этим чувством не справиться. Вот так. И ради всего святого, положите шляпу! А то у вас такой вид, будто вы опаздываете на поезд.

– Обычное состояние журналиста. Если мы не будем спешить, поезд уйдет без нас. Энид начала это понимать. Впрочем, в одном вы правы – времени у нас еще много.

– Вам далеко ехать? – спросил Челленджер.

Энид сверилась с записной книжкой.

– Мы уже побывали в семи местах. Прежде всего, в Вестминстерском аббатстве, на самой пышной службе; были также у Святой Агаты, в так называемой «высокой» церкви, и в Тюдоровской – «низкой».¹ Посетили католиков в Вестминстерском соборе, пресвитериан – на Энделл-стрит и унитариев – на Глостер-сквер. Но сегодня нам захотелось чего-то необычного, и мы решили отправиться к спиритуалистам.

Челленджер свирепо фыркнул, как разъяренный бык.

– На следующей неделе вас, пожалуй, потянет в сумасшедший дом, – сказал он. – Не хотите ли вы сказать, Мелоун, что у этих безумцев есть своя церковь?

¹ «Высокая» церковь – разновидность англиканской церкви, богослужение в ней наиболее близко к католицизму; «низкая» – склоняется к пуританизму и пиетизму.

– Я специально занимался этим вопросом, – отвечал Мелоун. – Моя обычная тактика – сначала изучить голые факты и цифры. В Великобритании у нас свыше четырехсот зарегистрированных церквей.

Челленджер расфыркался так, что, казалось, поблизости пасется целое стадо свирепых быков.

– Глупость людская поистине беспредельна! Homo sapiens! Homo idioticus! Кому они там молятся? Духам?

– Вот это нам и предстоит выяснить. Собственно, об этом и будет сама статья. Я разделяю ваше к ним отношение, а вот Аткинсон из больницы Святой Марии, с которым я недавно беседовал, думает иначе. А ведь он восходящая звезда хирургии.

– Слышал о нем. Кажется, специалист по цереброспинальной хирургии?

– Совершенно точно. Очень уравновешенный и компетентный. Считается большим специалистом в психических исследованиях – к этой области знания относится и спиритуализм.

– Тоже мне область знания!

– Во всяком случае так принято считать. Сам он относится к подобным вещам весьма серьезно. Я консультировался с ним, когда мне потребовалась нужная информация. Он знаком с их литературой. И знаете, что он мне сказал? «Эти люди – пионеры человечества!»

– В Бедламе² им место, – прорычал Челленджер. – И при чем здесь литература? Какая еще там у них литература?

– Это особая статья. У Аткинсона по этому вопросу пятьсот томов, и он все же жаловался, что в его библиотеке многое отсутствует. Существует обширная спиритуалистическая литература на французском, немецком, итальянском языках, не считая нашего.

– Слава Богу, что психи водятся не только у нас. Ну и галиматъя!

– А ты читал что-нибудь, отец? – спросила Энид.

– Вот еще! У меня нет времени, чтобы удовлетворить хотя бы половину моих истинно научных интересов. Какой вздор ты несешь, Энид!

– Прости, отец. Но ты был так категоричен... Я подумала, ты что-то знаешь.

Челленджер крутанул своей массивной головой и бросил на дочь испепеляющий взгляд.

– Человек, наделенный логическим умом и первоклассным интеллектом, сразу понимает, где истина, а где – вздор; ему не обязательно углубляться в существо вопроса. По-твоему, я должен досконально изучить математику, чтобы заявить об ошибке человека, доказывающего, что два и два – пять? Может, мне снова засесть за физику и уничтожить набор своих «Principia» из-за того, что какой-то мошенник или дурак утверждает, будто стол может подниматься в воздух, несмотря на существование закона тяготения? Неужели нужно изучить пятьсот томов, чтобы дорасти до уровня полицейского, который всегда разберется, кто перед ним – мошенник или честный человек? Энид, мне стыдно за тебя!

Дочь весело засмеялась.

– Папа, прекрати рычать на меня. Сдаюсь. По правде говоря, я тоже так думаю.

– И все же их поддерживают весьма достойные люди, – произнес Мелоун. – Что вы скажете о Лодже, Круксе и прочих уважаемых гражданах?

– Не стройте из себя дурака, Мелоун. И у великих есть слабые стороны. Своего рода оскомина на здравый смысл. Неожиданно впадаешь в идиотизм. Что и произошло с этими людьми. Нет, Энид, я не знаком с их доказательствами, да и не собираюсь знакомиться: существуют очевидные вещи. Если постоянно пересматривать всякое старье, когда же заниматься новыми проблемами? Все давно ясно, доказательствами здесь служат здравый смысл, английский закон и поддержка всех здравомыслящих европейцев.

– Понятно, – отозвалась Энид.

² Дом для умалишенных в Лондоне.

– Однако, – продолжал профессор, – готов признать, что иногда мы имеем дело с простительными заблуждениями.

Голос его зазвучал тише, а выразительные серые глаза печально уставились в пространство. – Я знаю случаи, когда мощнейший интеллект – мой собственный, например, – на какое-то мгновение сдавал.

Мелоун почувствовал, что в словах профессора кроется нечто интересное.

– И что же, сэр?

Челленджер колебался. Он, казалось, боролся с собой. Ему было трудно говорить. Но, набравшись мужества, он, как бы откинув от себя сомнения, приступил к рассказу.

– Ты ничего не знаешь об этом, Энид. Это... Очень личное переживание. Впрочем, наверняка, чепуха. Потом я всякий раз заливался краской стыда, стоило мне только вспомнить, как я чуть было не поверил в этот бред. Даже самых закаленных людей можно застать врасплох.

– Да, и что же, сэр?

– Все произошло после смерти моей жены. Вы ведь знали ее, Мелоун? И можете понять, каково мне пришлось тогда. Это случилось в ночь после кремации... Не могу вспоминать об этом без ужаса. Бесконечно дорогое крошечное тельце опускалось все ниже, потом его лизнули языки пламени, и дверца захлопнулась.

Беззвучные рыдания сотрясали крупное тело профессора, он прикрыл глаза большими волосатыми руками.

– Зачем я только рассказываю об этом? Ладно, так уж вышло. Пусть это послужит вам уроком. Так вот... Той ночью – после кремации – я сидел в холле. А она, – он указал на Энид, – спала рядышком. Прямо в кресле, бедная малышка. Вы ведь бывали в нашем доме на Ротерфилд, Мелоун. Там был огромнейший холл. Я сидел у камина, комната утопала в полутьме, и мой разум тоже погрузился во тьму. Нужно было разбудить дочь и отправить ее в постель, но она так сладко спала, откинувшись в кресле, что я не решился ее беспокоить. Было, наверное, около часу ночи; помнится, луна светила сквозь мутное стекло. Я сидел и думал. А потом услышал...

– Что, сэр?

– Звуки. Сначала тихие, вроде тиканья часов. Потом громче и отчетливее: тук-тук-тук. И тут случилась странная вещь – то, из чего доверчивые люди впоследствии создают легенды. Надо сказать, что у моей жены была особенная манера стучать в дверь. Своими маленькими пальчиками она как бы отбивала незатейливую мелодию. Она и меня приучила, и потому мы всегда знали о приходе друг друга. Так вот, мне почудилось – ведь я был тогда как помешанный, – что стуки обрели знакомый ритм. Я пытался выяснить, откуда они доносятся, но так и не сумел. Вы, конечно, можете себе представить, как я старался установить их источник. По моим догадкам, он находился где-то наверху. Я потерял представление о времени. Стук повторился не менее десятка раз.

– Отец, ты никогда не рассказывал об этом!

– Нет. Но я разбудил тебя. И попросил посидеть со мной тихо.

– Вот это я помню.

– Мы сидели затаившись, как мышки, но больше ничего не повторилось. Все кончилось. Обычный обман чувств. Может, в дереве завелся жучок, или плющ шелестел снаружи... Ритм мог возникнуть и в моем воспаленном мозгу. Вот так человек впадает в детство и начинает валять дурака. Этот случай стал для меня уроком. Я понял, что чувства могут обмануть даже умнейшего из умнейших.

– Но как вы можете знать, сэр, с точностью, что это не была ваша жена?

– Чушь, Мелоун! Чушь! Я видел, как пламя охватило ее. Ну, что там могло остаться?

– Ее душа. Дух.

Челленджер тоскливо покачал головой.

– Дорогое мне тело распалось на составные элементы: газообразная его часть улетучилась, а твердые частицы выгорели и превратились в прах. Это был конец. Ничего не осталось, Со смертью все кончается, Мелоун. Разговоры о душе – это пережиток анимизма древних. Предрассудок. Миф. Скажу как физиолог: человека можно заставить совершать злодеяния или достичь высот добродетели путем манипуляций с сосудами мозга. Гарантирую, что в результате операции я превращу Джекиля в Хайда. Другой добьется того же путем гипноза. Алкоголь тоже сойдет. Или сильнодействующие лекарственные препараты. Так что все это заблуждения, Мелоун! Выдумки! Другой жизни нет... ночь – вечная ночь... долгий отдых для усталого труженика.

– Печальная философия.

– Лучше печальная, чем лживая.

– Возможно, вы правы. В такой позиции, во всяком случае, есть мужество. У меня нет возражений. Мой разум на вашей стороне.

– А вот я инстинктивно против! – вскричала Энид. – Как хотите, а я не могу в это поверить. – Она обвила руками могучую шею отца. – Вы никогда не убедите меня, что тебя, папочка, с твоим исключительным умом и величием духа после смерти ждет судьба каких-нибудь сломанных часов.

– Четыре ведра воды и мешок минеральных солей, – проговорил Челленджер, с улыбкой высвобождаясь из объятий дочери. – Вот из чего состоит твой папочка, дорогая, и тебе придется примириться с этим. Однако уже без двадцати восемь. Я жду вас на обратном пути, Мелоун. С удовольствием выслушаю рассказ о ваших приключениях в стане этих безумцев.

Глава вторая, в которой описывается вечер в странной компании

Любовные дела Энид Челленджер и Эдварда Мелоуна не должны волновать читателя хотя бы по той причине, что до них нет дела самому автору. Всем молодым людям свойственен инстинкт продолжения человеческого рода. Мы же в своем сочинении пытаемся рассказать о делах не столь банальных и представляющих большой интерес. Об их взаимной склонности мы упомянули лишь для того, чтобы была понятнее их доверительная близость и нежное товарищество. Если англо-кельтский мир и стал в чем-то лучше, так это прежде всего связано с тем, что отошли в прошлое хитрые уловки и ханжество, и теперь юноши и девушки могут беспрепятственно встречаться друг с другом и быть просто друзьями.

Проехав по Эдгвер-роуд, такси с нашими искателями приключений свернуло на боковую улочку под названием Хелбек-Террас. Там, в унылой веренице кирпичных домов, ярко светилась одна арка. Такси подкатило прямо к ней, и водитель распахнул дверцу.

– Это и есть Церковь спиритуалистов, – сказал он. Кивком поблагодарив клиентов за щедрые чаевые, он прибавил простуженным голосом человека, добывающего себе пропитание в любую погоду:

– Сплошное надувательство, сэр.

Успокоив таким образом свою совесть, он вновь уселся на водительское сидение, и минуту спустя красные огоньки фар уже растаяли в темноте.

Мелоун от души рассмеялся.

– *Vox populi*³, Энид. Вот вам отношение народа.

– Между прочим, и наше тоже.

– Но мы своей статьей поневоле сделаем им рекламу. Не думаю, чтобы наш водитель одобрил это. Клянусь Юпитером, мы можем не протолкнуться внутрь.

У входа в церковь теснилось множество людей, а человек стоящий на верхних ступенях, убедительно просил собравшихся разойтись.

– Ничего не выйдет, друзья. Сожалею, но ничем не могу помочь. Полиция и так уже грозилась привлечь нас к ответственности за скученность в помещении. – Он позволил себе пошутить: – Никогда не слышал, чтобы у ортодоксальной церкви были такие проблемы. Вот уж нет.

– Я приехала из самого Хаммерсмита, – раздался чей-то плачущий голос. Свет упал на измученное, полное страдания лицо невысокой женщины в черном с ребенком на руках. Она то и произнесла эти слова.

– Вы к ясновидице? – отозвался привратник с пониманием. – Советую оставить свой адрес, и я сообщу, когда миссис Деббс сможет вас принять. Все лучше, чем мучиться в сутолоке, не зная, дойдет ли до вас очередь. А так она займется лично вами. Не толкайтесь, сэр, это не поможет... А вы кто такие?.. Журналисты?.. – он схватил Мелоуна за локоть. – Вы сказали «журналисты»? Но ведь пресса нас бойкотирует? Если не верите, раскройте субботний номер «Таймс» на той странице, где публикуются расписания церковных служб. О нас ни словечка... А из какой вы газеты? «Дейли газетт»? Ого, наши акции растут. А ваша дама тоже оттуда?.. Специальная статья? Вот это да! Идите за мной, сэр, и держитесь поближе. Постараюсь что-нибудь для вас сделать. Запирай, Джо! Успокойтесь, друзья, и расходитесь. Ничего не поделаешь! Вот, глядишь, выстроим помещение побольше, тогда милости просим... Сюда, мисс.

³ Глас народа (*лат.*).

Они опять спустились на улицу, обошли здание и приблизились к маленькой дверце, над которой горел красный фонарь.

– Я хочу вывести вас сразу на помост – в зале совсем нет места.

– Силы небесные! – воскликнула Энид.

– Там вам будет лучше видно, мисс, а если повезет, медиум скажет вам несколько слов. У тех, кто сидит ближе, всегда больше шансов. Входите, сэр!

Они оказались в небольшой неопрятной комнате с грязно-белыми стенами, сплошь увешанными шляпами и накидками. Сухощавая, сурового вида женщина в очках, из-под которых поблескивали живые глаза, грела над огнем худые руки. Рядом в традиционно английской позе – спиной к огню – стоял грузный человек с бледным лицом, рыжими усами и пытливыми светло-голубыми глазами. Здесь же находились маленький лысоватый мужчина в огромных роговых очках и очень красивый, атлетического сложения молодой человек в синем костюме.

– Все уже расселись на помосте, мистер Пибл. Осталось только пять мест для нас. – Эти слова произнес толстяк.

– Знаю, знаю, – отозвался привратник. Он выступил из темноты и тогда стало видно, какой он нервный и высохший, весь, казалось, состоит из одних жил. – Это журналисты из «Дейли газетт», мистер Болсоувер. Они пишут о нас статью. Их имена Мелоун и Челленджер. Познакомьтесь – мистер Болсоувер, наш председатель. А это знаменитая ясновидица, миссис Деббс из Ливерпуля. Рядом с ней мистер Джеймс, а высокий молодой джентльмен – мистер Гарди Вильямс, наш энергичный секретарь. Мистер Вильямс собирает деньги для нашего строительного фонда. Если мистер Вильямс рядом, не спускайте глаз с карманов.

Все рассмеялись.

– Сбор денег проходит в конце службы, произнес мистер Вильямс улыбаясь.

– Лучшим вкладом будет доброжелательная статья, – сказал тучный председатель. – Вы бывали у нас прежде?

– Нет, – ответил Мелоун.

– Выходит, практически ничего о нас не знаете?

– Можно сказать так.

– Значит, зададите нам перцу. Все видят сначала комическую сторону. Думаю, и вы состряпаете что-нибудь презабавное. Я, правда, не понимаю, что такого смешного в общении, скажем, с духом покойной жены, но это уж вопрос вкуса и знаний. Если предмет тебе неизвестен, то о какой серьезности может идти речь? Я не виню этих людей. Мы сами когда-то были такими. Я, например, работал у Бредлоу, и моим непосредственным руководителем был Джозеф Маккейб, и так продолжалось до тех пор, пока мой покойный старик отец не вытащил меня оттуда.

– И правильно сделал, – отозвалась ясновидица из Ливерпуля.

– Тогда я впервые почувствовал свои силы. Видел отца, как вас сейчас.

– Он был во плоти?

– Точно ничего сказать не могу. Но когда работает сильный медиум, результаты бывают очень впечатляющими.

– Пора! – объявил мистер Пибл, захлопывая крышку часов. – Вы сядете на правый стул, миссис Деббс. Проходите, пожалуйста, первой. За ней вы, господин председатель. Потом вы двое и я. Вы, мистер Вильямс, сядете слева и будете запевать. Зал надо подогреть, а вы это умеете. Итак, прошу!

Помост был тоже переполнен, но им удалось пробиться вперед под приветственный дружелюбный рокот. Мистер Пибл протиснулся вбок, кому-то что-то шепнул, и для Энид с Мелоуном нашлись два стула у стены. Укромный уголок вполне устраивал молодых людей: здесь они могли незаметно для окружающих делать записи.

– Что ты думаешь обо всем этом? – прошептала Энид.

– Пока не вдохновляет.

– Меня тоже, – заметила Энид. – Но все равно любопытно.

Когда люди относятся к чему-то с увлечением, они всегда интересны, согласны вы с ними или нет, а увлеченность этих людей сразу бросалась в глаза. Зал был набит до отказа, лица присутствующих обратились к помосту, большинство – женских, но мужских тоже достаточно. Все они имели между собой какое-то неуловимое сходство, оно крылось не в особом отпечатке изысканности или интеллекта, а в безусловной открытости, честности и здравом смысле. Тренированный глаз Мелоуна сразу выделил из толпы мелких торговцев, администраторов магазинов, крепких ремесленников, женщин, измученных повседневными заботами, и немногочисленных молодых людей, пришедших сюда любопытства ради.

Тучный председатель встал и поднял руку.

– Друзья мои, – начал он, – сегодня, в который раз, не все желающие смогли попасть в этот зал. Нам нужно новое помещение, большее. Вопросами строительства у нас ведаёт мистер Вильямс, он же и собирает деньги на эту благородную цель. На прошлой неделе я был в одной гостинице и увидел у конторы объявление: «Чеки не принимаются». Этих слов наш мистер Вильямс никогда не произнесет. Попробуйте – и сами убедитесь.

В публике раздался дружный смех.

Да, обстановка здесь совсем не напоминала церковную и была ближе скорее к атмосфере лекционного зала.

– В заключение хочу сказать вам еще одну вещь. Я не собираюсь сегодня выступать и просижу весь вечер слушателем вот на этом стуле. Только попрошу об одном одолжении. Убедительная просьба ко всем спиритуалистам: не приходите на воскресные вечерние бдения. Мы ждем вас утром, а вечером пусть уж приходят обычные люди со своими вопросами. Пусть вливаются новые силы. Вам истина уже открылась. Возблагодарите за это Господа. И дайте шанс другим. – Председатель опустил на свое место.

Тут на ноги вскочил мистер Пибл. Он, очевидно, был здесь главным распорядителем – такой стихийно возникает в каждом кружке и потихоньку все прибирает к рукам. Худое лицо его восторженно светилось, будто через него пропустили проводок накаливания, или, скорее, целый пучок проводов. Меж его пальцами, казалось, пробежали электрические разряды.

– Гимн первый! – взвизгнул он.

Тут вступила фисгармония, и зал поднялся. Мелодичный гимн звучал мощно и стройно:

Мир почувствовал дыханье,
Что доносится с небес,
И восстали души разом,
И надежды луч воскрес!

Особенно проникновенно звучал рефрен:

Мы славим Тебя, Всевышний,
Пустой оказалась могила,
Радости нашей нет границ,
О, смерть, ты отступила!

Да, эти люди были искренними. И не походили на умственно отсталых. И все же, глядя на них, Энид и Мелоун испытывали жалость. Грустно, когда тебя обманывают в деле столь личном, когда мошенники играют на самых святых струнах твоей души, используя в нечистых целях любовь к почившим дорогим тебе людям. Что знали эти несчастные о доказательственном праве, о холодной непогрешимости научных законов? Бедные, честные, обманутые люди!

– Внимание! – вновь взвизгнул мистер Пибл. – Попросим мистера Манро из Австралии прочитать молитву.

С места поднялся безумного вида старик с взлохмаченной бородашкой и огненным взором. Некоторое время он стоял потупившись, а затем приступил к молитве – незамысловатой импровизации. Мелоуну удалось записать начало:

– Отче, прости невежество наше, не ведаем, как надо обращаться к Тебе, но, поверь, делаем это от чистого сердца.

Дальнейшие слова вполне соответствовали зачину. Энид и Мелоун обменялись одобрительным взглядом.

Аудитория исполнила еще один гимн, менее удачный, чем предыдущий, а затем председатель объявил, что сейчас мистер Джеймс Джонс из Северного Уэльса впадет перед ними в транс и передаст послание от своего духа-покровителя, Алаша из Атлантиды.

Мистер Джеймс Джонс – проворный, решительного вида коротышка – выступил вперед и, постояв несколько минут в глубокой задумчивости, вдруг задрожал всем телом и начал вещать. Ничто не говорило о том, что оратором был кто-то, помимо мистера Джонса из Северного Уэльса, разве что его остановившийся, бессмысленный взгляд. Надо сказать, что если поначалу дрожал только мистер Джонс, то пришел черед содрогнуться и всем остальным. Дух из Атлантиды оказался непроходимым тупицей. Он изрекал такие явные глупости, нес такой откровенный вздор, что Мелоун, не удержавшись, прошептал Энид, что если умственное развитие Алаши соответствовало стандарту того времени, то можно только приветствовать гибель Атлантиды. Наконец, еще раз впечатляюще задрожав всем телом, Джонс закончил вещание, и тогда со своего места, не скрывая нетерпения, поднялся председатель.

– Сегодня среди нас находится известная ясновидица из Ливерпуля, миссис Деббс. Как многие из вас знают, она щедро наделена экстрасенсорными свойствами, о которых говорил еще Св. Павел, в том числе способностью видеть духов. И хотя в этой области действуют законы, над которыми мы не властны, дружественная атмосфера очень важна, и потому миссис Деббс надеется на ваше доброе отношение и молитвы, которые помогут ей вступить в контакт с потусторонними астральными существами. Возможно, и мы сможем поприветствовать их в этом зале.

Председатель сел, и тут же под сдержанные аплодисменты поднялась миссис Деббс. Она стояла перед замершим в ожидании залом – высокая, бледная, с тонким хищным лицом, глаза ее остро поблескивали из-под очков в золотой оправе. Затем миссис Деббс склонила голову, как бы к чему-то прислушиваясь.

– Вибрация! – воскликнула она наконец. – Мне нужна подходящая вибрация. Исполните гимн на фисгармонии, пожалуйста.

Раздались звуки гимна «О, Иисус, возлюбленный души моей!»

Аудитория замерла в благоговейном восторге. Зал был плохо освещен, темнота скрадывала углы. Ясновидица стояла, по-прежнему наклонившись вперед и продолжая прислушиваться. Но вот она вскинула голову, и музыка оборвалась.

– Сейчас! Сейчас! Всеу свое время, – проговорила она, обращаясь к невидимому собеседнику. Собравшимся же сказала: – Сегодня не очень подходящие условия для сеанса. Но я постараюсь, и они – тоже. А вначале я скажу вам несколько слов.

Она заговорила. Все, сказанное ею, произвело на двух новичков впечатление полной бессмыслицы. Это была абсолютно бессодержательная болтовня, хотя отдельные фразы поражали своей оригинальностью. Мелоун положил ручку в карман. Зачем записывать слова безумной женщины? Сидящий рядом спиритуалист, заметив такое презрительное отношение, наклонился к нему.

– Она настраивается. Ищет волну, – шепнул он. – Здесь многое зависит от нужной вибрации. Вот, кажется, нашла.

Женщина замолчала посередине фразы и, выбросив вперед длинную руку, указала дрожащим пальцем на полную женщину во втором ряду.

– Вы! Дама с красным пером! Нет, не вы! Полная женщина впереди вас. Да, вы! За вашей спиной вырос дух. Это мужчина. Довольно рослый, около шести футов. Высокий лоб, серые, а может, голубые глаза, удлинённый подбородок, каштановые усы, лицо в морщинах. Вы узнаете его?

Полная женщина выглядела очень взволнованной, но отрицательно покачала головой.

– Постараюсь вам помочь. У него в руках книга в коричневом переплете с застёжкой. Похожа на грессбух. Я вижу надпись «Каледонская страховая компания». Это вам о чем-то говорит?

Полная женщина плотно сжала губы и вновь покачала головой.

– Могу еще кое-что добавить. Перед смертью он долго болел, у него была астма.

Дородная женщина оставалась непреклонной, но тут на ноги вскочила небольшого роста, покрасневшая от гнева особа, сидевшая через два стула.

– Это мой муж, мэм. Скажите ему, что я не хочу иметь с ним никакого дела. – После столь решительного высказывания она вновь села на свое место.

– Вы правы. Он движется в вашу сторону. Хотя раньше был ближе к той даме. Он просит простить его. Нехорошо испытывать недобрые чувства к покойнику. Забудьте и простите. Все прошло. Он просит передать вам следующее – «Сделай, о чем я тебя просил, и я буду вечно благословлять тебя». – Вам это что-нибудь говорит?

Сердитая женщина удовлетворенно кивнула.

– Хорошо. – Неожиданно ясновидица метнула пальцем в толпу, сгрудившуюся у дверей. – Теперь послание солдату.

Стоявший в первых рядах солдат в форме цвета хаки изумленно таращил глаза.

– Какое еще послание?

– От военного. На нем нашивки капрала. Грузный седой мужчина. На воротнике желтые петлицы. Различаю инициалы – Д.Х. Вы его знаете?

– Знаю. Но он умер, – ответил солдат.

Он не понимал, куда попал, и значение происходящего было от него полностью скрыто. Соседи торопливо объяснили ему, что могли.

– Бог мой! – вскричал солдат и поспешил скрыться под дружный смех. В наступившей паузе Мелоун услышал, как медиум тихо бормочет, обращаясь к невидимым собеседникам.

– Не торопитесь! Дождитесь своей очереди! Говорите вы, женщина! Встаньте рядом с ним. Ну, как я могу его иначе узнать? Если бы я могла...

Миссис Деббс в эту минуту напоминала билетера в театре, указывающего, кому куда идти.

Ее следующая попытка потерпела неудачу. Солидный мужчина с густыми бакенбардами наотрез отказался от родства с неким пожилым джентльменом. Медиум с удивительным терпением сообщала все новые дополнительные сведения, но так ничего и не добились.

– Вы спиритуалист?

– Да, уже десять лет.

– Значит, вы знаете, что иногда возникают трудности.

– Знаю.

– Напрягитесь. Может, вспомните. А пока оставим все как есть. Мне жаль вашего друга. Наступила пауза, во время которой Энид и Мелоун успели обменяться впечатлениями.

– Что ты об этом думаешь, Энид?

– Даже не знаю. Совершенно растерялась.

– Думаю, здесь присутствует элемент интуиции в сочетании с полученной на стороне информацией. Не забывай, все эти люди ходят в одну церковь и многое знают друг о друге. А чего не знают, то с легкостью разведывают.

– Но, по их словам, миссис Деббс здесь впервые.

– Ее могли проинструктировать. Отлично инсценированный спектакль. А что еще? Только подумай!

– Может, телепатия?

– Частично, может, и так. Послушай! Она опять заговорила.

Новая попытка оказалась более успешной. Сидящий в глубине зала мужчина в трауре моментально узнал по описанию и манере выразиться свою жену.

– Она зовет какого-то Уолтера.

– Это я.

– Она называла вас Уот?

– Никогда.

– Теперь называет. «Шлю свою любовь Уоту и детям». Я слышу именно эти слова. Она очень беспокоится о детях.

– Она всегда была такой.

– Они там не меняются. Говорит что-то о мебели. Вы ее продали. Это правда?

– Пришлось.

В зале захихикали. Всегда и везде комическое соседствует с трагическим. Как это странно и вместе с тем естественно и трогательно!

– Она передает вам следующее – «Тот человек расплатится с тобой, и все будет хорошо. Оставайся таким же добрым, Уот, и мы будем здесь еще счастливее, чем на земле».

Мужчина закрыл лицо руками. Видя, что медиум замерла в нерешительности, не зная, кем теперь заняться, рослый молодой секретарь, слегка приподнявшись со своего места, прошептал ей несколько слов. Она искоса, через левое плечо, посмотрела на журналистов и ответила:

– Подумаю.

Она несколько туманно описала облик еще двух посланцев иного мира, узнанных родственниками с некоторым сомнением. Странно, что медиум упоминала такие приметы их внешности, которые явно нельзя было разглядеть на столь большом расстоянии. Так, говоря о существе, возникшем в дальнем углу зала, она могла назвать цвет глаз или незначительные особенности наружности. Посчитав это самым уязвимым местом сеанса, Мелоун решил использовать досадный недочет в своих целях. Журналист как раз набрасывал в блокноте свои впечатления, когда голос женщины зазвучал громче, и он, подняв голову, увидел, что сверкавшие из-под очков глаза обратились в его сторону.

– Я обычно работаю только с залом и редко заглядываю на помост, – сказала миссис Деббс, и голос ее гулко отозвался в помещении, – но сегодня к нам пришли новые люди, которым наверняка будет интересно вступить в контакт с духами. Я вижу одного из них за креслом усатого джентльмена, того, что сидит рядом с молодой леди. Да, сэр, именно за вами. Это мужчина, ниже среднего роста, довольно пожилой, думаю, за шестьдесят. Седая шевелюра, нос горбинкой, небольшая козлиная бородка. Как я догадываюсь, он вам не родственник, а скорее друг. Это вам что-нибудь говорит?

Мелоун презрительно покачал головой.

– Чуть! Полная чуть! – пробормотал он.

– Он очень взволнован, ему нужно помочь. Держит в руках книгу, это научная книга. Раскрывает ее, там какие-то чертежи. Возможно, он сам написал ее или учил по ней. Кивает. Значит учил. Он был преподавателем.

Мелоун сидел невозмутимо, всем своим видом показывая, что этот человек ему неизвестен.

– Не знаю, чем могу еще помочь? Может, вот это? У него родинка над правой бровью.

Мелоун вздрогнул как ужаленный.

– Одна родинка? – воскликнул он.

Очки вновь сверкнули.

– Две. Одна большая, другая поменьше.

– Боже! – проговорил, задыхаясь, Мелоун. – Это профессор Саммерли.

– Правильно. Он просит передать привет старому... Долгое имя, начинается с буквы «Ч». Трудно разобрать. Вам что-нибудь ясно?

– Да.

Через минуту миссис Деббс, повернувшись в другую сторону, уже описывала нового пришельца. Но на помосте позади себя она оставила потрясенного услышанным человека.

В это время сеанс неожиданно для всех, в том числе и для обоих гостей, был прерван. На помост поднялся и встал рядом с председателем высокий бледный бородач, одетый как преуспевающий ремесленник. Призывая к тишине, он уверенно поднял руку жестом человека, привыкшего владеть вниманием аудитории. Обернувшись, он что-то тихо сказал Болсоуверу.

– Перед вами мистер Миромар из Дэлстона, объявил председатель. – У него для вас сообщение. Мы всегда рады мистеру Миромару.

Журналисты могли видеть оратора только в профиль, и все же обоих поразило достоинство, с которым он держался, они залюбовались крупной, благородной формы головой, говорившей о необычайно развитом интеллекте. Когда мужчина заговорил, его голос приятно зазвучал под сводами зала.

– Я должен передать вам послание из другого мира. Мне поручено произносить его всюду, где найдутся уши, которые слышат. Сюда я пришел, зная, что встречу здесь понимающих людей. Пославшие меня хотят, чтобы человечество осознало свое истинное положение: тогда его не ждут шок и паника. Я один из тех, кто должен донести это послание до людей.

– Боюсь, он псих, – прошептал Мелоун, быстро строча в лежащем на коленях блокноте. Публика в зале, похоже, тоже отнеслась к словам нового оратора несерьезно, некоторые улыбались.

И все же в голосе и манерах мужчины было нечто такое, что заставляло к нему прислушиваться.

– Мы приближаемся к драматической развязке. Идея прогресса была с самого начала материалистической. Все сводилось к тому, чтобы быстрее ездить, быстрее связываться друг с другом, создавать все новые машины. Истинная цель отошла в тень. Однако существует только один подлинный прогресс – духовный. Человечество на словах – за него, а на деле идет совсем другой, ложной дорогой материального успеха.

Верховный Разум осознал, что наряду с повальным равнодушием есть некоторые, кто искренне заблуждается; веру таких людей следовало оживить, подкрепив новыми свидетельствами. Эти свидетельства не замедлили последовать, и тогда стало очевидно, что жизнь после смерти столь же непреложна, как движение солнца по небу. Однако эти доказательства Божьего промысла были высмеяны учеными, осуждены церковниками, оклеветаны газетчиками и благополучно забыты. Это стало последней и величайшей ошибкой человечества.

Зал заинтересованно слушал. Глубокомысленные измышления утомили бы людей, но здесь все было на редкость доходчиво. По залу прокатился одобрительный гул, послышались аплодисменты.

– Положение казалось безнадежным. Ситуация полностью вышла из-под контроля. Человечество с презрением отбросило помощь небес, и теперь нельзя было избежать страшного урока. И беда разразилась. Десять миллионов молодых людей полегли на поле брани.

Вдвое больше остались изувеченными. Таково было первое Божье предупреждение заблудшим людям. Но и его не услышали. В обществе по-прежнему царил жалкий материализм. Теперь отсрочка, данная человечеству, близится к концу, а перемен нигде не видно, за исключением таких мест, как эта церковь. Народы погрязли в грехе, а грех всегда приходится рано или поздно искупать. Россия стала выгребной ямой. Германия так и не раскаялась в страшном грехе материализма, который стал главной причиной войны. Испания и Италия скатились – одна в пучину атеизма, другая – предрассудков. У Франции нет религиозного идеала. Англия потеряла ориентацию и погрузилась в хаос, в ней расплодились нелепые, оторванные от жизни секты. Америка не сумела реализовать свои превосходные возможности и вместо того, чтобы стать любящей сестрой сокрушенной и израненной Европе, занялась собственным экономическим благоустройством; она отреклась от подписи своего президента и отказалась присоединиться к Лиге Наций – единственной надежде человечества. Все погрязли в грехе, некоторые больше других, и всем без исключения воздастся по делам их.

Кара настигнет грешников скоро. Меня просили передать вам слово в слово следующее послание. Я зачитаю его, так как боюсь упустить что-нибудь важное.

Он вынул из кармана лист бумаги и прочел:

– «Наша цель не в запугивании людей, мы только хотим, чтобы они одумались и обратились к духовным ценностям. Не страх стремимся мы пробудить в вас, а желание действовать, пока еще есть время. Так дальше продолжаться не может. Если все останется как есть – мир погибнет. Надо разогнать темное облако теологии, заслонившее от человечества Бога».

Он сложил бумагу и убрал в карман.

– Вот что я должен был передать вам. А вы расскажите об этом всем, у кого еще не омертвела душа. Взывайте к ним: «Покайтесь! Исправьтесь! Время не ждет!»

Он умолк и собрался было уходить. Чары разрушились. Слушатели заерзали на своих местах. Из глубины зала послышался голос:

– Это конец света, мистер?

– Нет, – резко ответил незнакомец.

– Второе пришествие? – спросил другой.

– Да.

Легко и быстро пройдя меж креслами на помосте, он остановился у двери. Когда Мелоун взглянул подалее в ту сторону, незнакомца уже не было.

– Это, видимо, один из фанатиков второго пришествия, – прошептал он Энид. – Таких сект много – христедельфианцы, расселиты, «Библейские ученики» и прочие. Но он выглядит внушительно.

– Очень, – отозвалась Энид.

– Полагаю, что выражу общее мнение, если скажу, что выступление нашего друга было очень интересным, – сказал председатель. – Мистер Миромар сочувствует нашему делу, хотя нельзя сказать, что разделяет наши взгляды полностью. Мы всегда рады видеть и слышать его здесь. Что касается его пророчеств, то, на мой взгляд, человечество уже и так хлебнуло достаточно горя. Да и что можем мы сделать в том случае, если наш друг окажется прав и нас ждут большие испытания? Только стараться выполнять как можно лучше наши повседневные обязанности и жить, твердо надеясь на помощь свыше. Пусть Судный день наступит хоть завтра, – прибавил он, улыбаясь, – сегодня я все равно должен торговать в своем магазинчике в Хаммерсмите. А теперь продолжим наше собрание.

Выступил молодой секретарь, он рассказал о создании строительного фонда и призывал вносить деньги:

– Позор, что так много людей остались сегодня на улице. Мы все здесь исполняем свои обязанности бескорыстно и не берем за это ни пенни. Миссис Деббс тоже приехала сюда за свои деньги. Мы не можем начать строительные работы до тех пор, пока у нас не будет еще

одной тысячи фунтов. Среди нас нашелся один, кто заложил свой дом, чтобы помочь нашему делу. Вот это сила духа! А теперь прошу, кто сколько может...

По залу пустили с дюжину тарелок, звон монет сопровождался пением гимна. Энид и Мелоун тем временем тихо беседовали.

– Ты ведь знаешь, что профессор Саммерли умер в прошлом году в Неаполе.

– Да. Я очень хорошо помню.

– А «старый Ч» – это, конечно, твой отец.

– Поразительно.

– Бедняга Саммерли. Он не верил в загробную жизнь, а тут объявился сам... во всяком случае, похоже на то.

Тарелки вернулись – по большей части с мелочью. Их водрузили на стол, где опытный глаз секретаря пытался определить, сколько денег все-таки собрали. Затем вздохмаченный старик из Австралии прочитал благодарственную молитву в той же простой бесхитростной манере, что и прежде. И не требовались ни передача апостольской благодати, ни возложение рук, чтобы понять, что слова этого человека идут прямо из сердца и угодны Богу. Затем зал поднялся и, стоя, исполнил заключительный гимн – с западающей в память мелодией и печальным нежным рефреном: «Храни нас, Боже, до следующей встречи». Энид с удивлением заметила, что у нее по щекам заструились слезы. Эта простая церемония, на которой присутствовали душевно здоровые и серьезные люди, произвела на нее большее впечатление, чем пышные богослужения и однообразная музыка в величественных соборах.

Толстяка Болсоувера они нашли в холле, там же была и миссис Деббс.

– Думаю, вы нас разделаете под орех, – смеялся председатель. – Но мы к этому привыкли, мистер Мелоун. И не в обиде. Но увидите, все изменится. Нас еще оценят.

– Обещаю, что напишу честно.

– Большого и не требуется.

Ясновидица стояла, привалившись к камину, отрешенная и суровая.

– Вы, наверное, очень устали, – пожалела ее Энид.

– Совсем нет, юная леди. Никогда не устаю, когда работаю с духами. Они поддерживают меня.

– Разрешите поинтересоваться, – вступил в разговор Мелоун, – знали ли вы профессора Саммерли?

Медиум покачала головой.

– Нет, сэр. Все думают, что я их знаю. Но я никого не знаю. Они просто приходят, и я их описываю.

– А послания, которые они просят передать?

– Я слышу их. Все время слышу. Бедняги хотят, чтобы о них рассказывали, чтобы их заметили. Сами лезут ко мне на помост, дергают за рукава, тянут в разные стороны. Они терзают меня. «Я следующий... нет, я... я!» Вот что я постоянно слышу. Стараюсь изо всех сил, но все равно не успеваю представить каждого.

– А что вы скажете о пророке? – поинтересовался Мелоун у председателя.

Мистер Болсоувер неодобрительно пожал плечами.

– Он конгрегационалист. Носится по стране, иногда заглядывает к нам. Помнится, именно он предсказал начало войны. Что касается меня, то я человек практический. Зла и сейчас хватает. Нам его отмерили полной мерой, не знаю, осталось ли про запас? Ну, пора расходиться. Спокойной ночи! Постарайтесь написать о нас получше.

– Спокойной ночи, – отозвалась миссис Деббс. – Кстати, девушка, вы сами медиум. Спокойной ночи!

Они вышли на улицу и с удовольствием вдохнули свежий вечерний воздух. После духоты переполненного зала он казался особенно бодрящим. Вскоре они уже были на шумной Эдгварроуд, где Мелоун остановил кэб и попросил отвезти их на Виктория-Гарденс.

Глава третья, в которой профессор Челленджер высказывает свое мнение

Мелоун уже садился вслед за Энид в кэб, когда его окликнули. По улице бежал высокий мужчина средних лет. Он был хорошо одет, тщательно выбрит и держался достаточно самоуверенно, как и подобает преуспевающему хирургу.

– Привет, Мелоун! Подожди!

– Аткинсон! Энид, позволь представить тебе профессора Аткинсона из госпиталя Св. Марии, о котором я рассказывал твоему отцу. Подбросить вас? Мы едем на Виктория-Гарденс.

– Отлично! – Хирург последовал за ними в кэб. – Очень удивился, увидев вас на собрании спиритуалистов.

– Мы были там по делу. Ведь мы с мисс Челленджер – журналисты.

– Как же, помню. Все в «Дейли газетт»? Считайте, что получили еще одного подписчика, – интересно будет узнать, что вы насочиняете о сегодняшнем вечере.

– Придется подождать следующего воскресенья. Материал идет в определенную рубрику.

– Нет, столько ждать не могу. Хочу знать сейчас же.

– Все не так просто. Завтра я внимательно перечитаю свои записи, обдумаю их, сопоставлю с наблюдениями коллеги. У нее очень развитая интуиция – важнейшая вещь, когда дело касается религии.

– Ну, и что же говорит вам интуиция, мисс Челленджер?

– Больше положительного. И все же – что за причудливая смесь!

– Вы попали в самую точку. Был там несколько раз и всегда уходил полный противоречивых чувств. Не обходится без разных нелепостей, допускаю, что возможен и просто обман, но есть там и нечто поистине чудесное.

– Но вы-то не журналист? Зачем вам туда ходить?

– Интересно. Видите ли, я уже несколько лет изучаю спиритизм. Не могу считать себя его убежденным сторонником, но к числу сочувствующих принадлежу, и у меня хватает ума задавать себе вопрос: может, не только я изучаю это явление, но и его субъекты, существа с той стороны, тоже изучают меня.

Мелоун понимающе кивнул.

– Спиритизм неисчерпаем. Это понимаешь, когда начинаешь его постигать. В нем десятки разных, достойных изучения областей. И всем занимаются только вот эти честные, нищие духом люди, которые, несмотря на все преследования и потери, несут этот груз уже более семидесяти лет. Они напоминают первохристиан. Ведь христианство вначале распространялось среди рабов и низших слоев населения. К господину свет пришел на триста лет позже, чем к его рабу.

– А тот проповедник? – запротестовала Энид.

– Вы говорите о нашем друге из Атлантиды? Жуткий зануда! Не знаю, что и думать об этом. Полагаю, самообман или временное высвобождение дремавшей ранее части личности. Единственное, в чем я убежден: все эти банальности не имеют ни малейшего отношения к жителю Атлантиды. Не стоило отправляться в столь долгое путешествие, чтобы нести такой вздор. А вот мы и приехали!

– Я дал обещание отцу этой девушки доставить ее домой в полной сохранности, – сказал Мелоун. – А почему бы вам, Аткинсон, не подняться с нами? Профессор будет рад с вами познакомиться.

– Уже поздно. Он спустит меня с лестницы.

– Вижу, вам наболтали об отце всякой чепухи. На самом деле все не так. Некоторые люди его действительно раздражают, но вы к их числу не относитесь. Может, рискнете?

– После ваших слов – конечно.

И все трое направились по ярко освещенному коридору к лифту.

Челленджер, в роскошном голубом халате, с нетерпением ожидал их. Он смерил Аткинсона взглядом боевого бульдога, увидевшего другую собаку. Однако беглый осмотр, видимо, умиротворил его, и профессор прорычал, что рад знакомству.

– Слышал ваше имя, сэр, и знаю о вашей блестящей карьере. Ваша резекция позвоночника в прошлом году заставила меня поволноваться. Неужели вы тоже ходили к этим лунатикам?

– Если вам угодно так их называть... – засмеялся Аткинсон.

– А как еще прикажете? Помнится, мой молодой друг (Челленджер иногда величал Мелуна так, словно тот был подающим надежды школяром) говорил, что вы изучаете этот феномен. – Он оглушительно расхохотался, не скрывая своего презрения. – «Изучая человечество, начнем с духов», так что ли, мистер Аткинсон?

– Не обижайтесь на отца, он ничего в этом не понимает, – вмешалась Энид. – Уверяю, папочка, тебе было бы интересно. – И она представила ему подробный отчет об их приключениях, который профессор то и дело прерывал недовольным ворчанием, хмыканьем и язвительными замечаниями. Когда же Энид дошла до эпизода с профессором Саммерли, Челленджер взорвался, не скрывая больше своего возмущения. Старый вулкан заклокотал, и слушателей оглушил огненный поток отборной брани.

– Гнусные негодяи! – рычал он. – Даже в могиле нет покоя бедняге Саммерли. У нас с ним возникали расхождения, я был, сознаюсь, не очень высокого мнения о его интеллекте, но поверьте, если бы он действительно восстал из мертвых, то сказал бы что-нибудь повразумительнее. Все это галиматья, неприличная и злая выходка! Это возмутительно – моего друга выставляют на посмешище перед кучкой невежд! Ах, никто не смеялся? Как можно не смеяться, слыша, что образованный человек, с которым даже я общался на равных, несет такую чушь? Нет, чушь! Не спорьте, Мелуон! Я этого не потерплю. Его слова напоминают приписку в письме школьницы-малолетки. Ну, разве можно нести такой бред, находясь в другом измерении? Вы со мной согласны, мистер Аткинсон? Нет? Я думал о вас лучше.

– А подробное описание его внешности?

– Боже праведный, что у вас с головой? Разве вы не помните, что наши с профессором имена соседствовали в одной слабенькой беллетристической книжонке, которая почему-то понравилась публике? И думаете, никто не знает, что два молодых идиота болтаются по разным церквям уже несколько недель подряд? Совершенно ясно, что раньше или позже вы должны были забрести и к спиритуалистам. Прекрасный шанс заполучить себе сторонничков. Приманка заброшена, и простодушный Мелуон клюнул на нее! Крючок и сейчас торчит в его глупом языке. Что, Мелуон, правда глаза колет? Но все равно ее надо говорить. – Черные, как смоль волосы профессора встали дыбом, глаза метали искры, перебегая с одного участника беседы на другого.

– Но нужно выслушать и другую сторону, – сказал Аткинсон. – Свою точку зрения, сэр, вы выразили блестяще. Позволю себе процитировать Теккерея, сказавшего своему оппоненту: «Я понимаю вас. Но если бы вы знали то, что знаю я, вы изменили бы свое мнение». Может, и вы, профессор, найдете время получше ознакомиться с предметом; это было бы замечательно: ваше мнение необычайно ценится в научном мире.

– Потому что я занимаюсь полезными делами, а не всякой чепухой. Мой разум, сэр, не вялет и не петляет, он идет прямым путем. Здесь же очевидный обман и мошенничество.

– Думаю, не без этого, – сказал Аткинсон. – Но все же... все же... Послушайте, Мелуон, уже поздно, а ехать далеко. Простите, профессор. Для меня было большой честью познакомиться с вами.

Мелоун тоже откланялся. На улице друзья остановились немного поболтать, прежде чем разойтись в разные стороны: Аткинсон жил на Уимпл-стрит, а Мелоун в Саут-Норвуд.

– Великолепный старик, – одобрительно сказал Мелоун. – На него нельзя обижаться. В сущности, он никому не желает зла. Потрясающий человек.

– Согласен. Но именно такая нетерпимость может заставить меня стать убежденным спиритуалистом. Обычно она принимает форму издевки, реже – громopodobного разноса. Мне больше импонирует последнее. Кстати, Мелоун, хотите помочь вам получше разобраться во всем этом. Вы слышали о Линдене?

– Профессиональный медиум? Говорят, величайший мошенник в мире.

– Слышал такие отзывы. Но лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Прошлой зимой я вправил ему коленную чашечку, и у нас завязались дружеские отношения. Его трудно заполучить, и билет будет стоить не меньше гиней, но если хотите, я постараюсь организовать сеанс.

– Лично вы ему верите?

Аткинсон пожал плечами.

– Ну, что тут скажешь! Во всяком случае, за руку я его не поймал. Разбирайтесь сами.

– Я готов, – сказал Мелоун. – Меня это забрало. Да и материал может получиться отличный. Решено: немного разберусь с делами и дам вам знать, Аткинсон. Надо ковать железо, пока горячо.

Глава четвертая, в которой описываются занятия в Хаммерсмите

Появившаяся в печати статья за подписью «Соавторы» вызвала всеобщий интерес и споры. Ее сопровождало краткое редакционное примечание, которое вполне отражало сомнения рядового читателя, и как бы говорило: «О таких явлениях следует писать, и они могут кому-то показаться правдоподобными, но мы-то знаем, что это ерунда».

Мелоун получил множество писем, как за, так и против: факт, говоривший, что этот вопрос занимал многих. Предыдущие публикации не вызвали такого всплеска эмоций: ну, рывкнула парочка узколобых католиков или непримиримых евангелистов – теперь же его почтовый ящик ломился от писем. Большинство авторов высмеивало саму мысль о существовании духов, часть из них была от писателей, которые не то что о спиритизме, а даже о правильной орфографии имели весьма смутные понятия. Самим спиритуалистам тоже не все в статье понравилось: Мелоун как журналист не смог отказать себе в удовольствии посмаковать смешные стороны собрания, хотя ничего и не приврал.

Однажды утром на неделе, последовавшей за публикацией, в крошечном рабочем кабинете Мелоуна появился внушительных объемов человек. О его приходе Мелоуна известил курьер редакции, положив на край стола визитную карточку, гласившую: «Джеймс Болсоувер, торговец, Хай-стрит, Хаммерсмит». Это был не кто иной, как радушный председатель последнего воскресного собрания. Он укоризненно грозил пальцем, глядя на Мелоуна, но его добродушное лицо расплывалось в улыбке.

– Вот видите, – сказал он, – все вышло, как я предупреждал: вас тоже потянуло на фарс.

– Вы полагаете, что я искажил картину?

– Нет. На мой взгляд, вы с молодой леди сделали все, что смогли. Просто как новичков вас многое озадачивает. Но, если подумать, разве удивительно, что умные люди, покинувшие этот мир, изыскивают способы установить с нами контакт?

– Они иногда говорят такие глупости!

– Умирают всякие, а не только те, что семи пядей во лбу. На том свете не умнеют. Кроме того, как знать, какие слова нужнее всего? Вчера миссис Деббс принимала одного священника. У него умерла дочь, и отец прямо помешался от горя. Миссис Деббс передала ему, что дочь счастлива и была бы еще счастливей, если бы не его страдания. «Меня это не убеждает, – покачал головой священник. – Такое всякий скажет. Нет, это не моя дочь». И вдруг та попросила его: «Умоляю, не надевай воротничок католического священника вместе с цветной рубашкой». «Это она, – сказал он и расплакался. – Дочь всегда отчитывала меня за эти воротнички». Жизнь состоит из мелочей, мистер Мелоун, обычных, незначительных, но дорогих нам мелочей.

Мелоун недоверчиво покачал головой.

– Каждый может заметить несоответствие между обычной рубашкой и деталью одежды священника.

Мистер Болсоувер рассмеялся.

– Вы крепкий орешек. Говорю не в осуждение – сам таким был. Однако я по делу. Вы человек занятой, я – тоже, поэтому перейдем сразу к главному. Во-первых, всем разумным спиритуалистам понравилась ваша статья. Мистер Альджернон Мейли написал мне, что она принесет несомненную пользу. А если уж он так думает, то нам и Бог велел.

– Мейли? Тот, что адвокат?

– Я бы скорее назвал его религиозным реформатором. Таким он останется в истории.

– А во-вторых?

– Если хотите, мы могли бы познакомить вас с нашим делом подробнее. Вас и молодую леди. Не для рекламы, упаси Бог, а для вашей же пользы, хотя и реклама не помешает. Мы проводим сеансы телекинеза у меня дома без профессионального медиума, и если хотите...

– Очень хочу.

– Тогда приходите оба. У нас практически не бывает людей со стороны. Никаких наблюдателей. Не хотим, чтобы нас сбивали с толку, оскорбляли подозрениями и расставляли ловушки. Всем этим злопыхателям кажется, что у других людей нет нервов. Но вам в здравом смысле не откажешь. А ничего другого и не требуется.

– А то, что я не разделяю вашей веры? Это не помешает?

– Ни в малейшей степени. Будьте только доброжелательны и ни во что не вмешивайтесь. Духи не любят агрессивных людей – так же, как и мы, грешные. С ними надо держаться ровно и дружелюбно, как в хорошем обществе.

– Обещаю.

– Они, бывает, ведут себя весьма странно, – сказал мистер Болсоувер, – и шутки с ними могут закончиться очень плохо. Духам не дозволено вредить людям, но не забывайте, что нам, людям, свойственно делать как раз недозволенное, и духи в этом отношении весьма походят на людей. Вы, может быть, еще не забыли, как на одном из сеансов у братьев Давенпорт корреспонденту из «Таймс» бубном отрезало голову. Все это, разумеется, прискорбно, но это было, и тут уж ничего не поделаешь. Однако, ничего подобного духи не позволяли себе в отношении друзей. Известен и другой назидательный случай. На спиритический сеанс явился ростовщик. Одна из его жертв, доведенных им когда-то до самоубийства, вселилась в медиума, и тот схватил ростовщика за горло, так что он едва не расстался с жизнью. Но мне пора, мистер Мелоун. Сеансы у нас проводятся раз в неделю – уже четыре года как и без единого перерыва. По вторникам, в восемь вечера. Заранее дайте нам знать о своем приходе, и я пришлю мистера Мейли проводить вас. Он может лучше чем я ответить на все ваши вопросы. Итак, до вторника! Всего доброго, – и мистер Болсоувер, ступая как слон, вышел из комнаты.

Пережитой опыт произвел на Мелоуна и Энид гораздо большее впечатление, чем они в этом признавались, но будучи разумными людьми, они сошлись на том, что надо сначала попытаться объяснить феномен с научной точки зрения, а уж потом допускать вмешательство сверхъестественных сил. Оба преклонялись перед могучим интеллектом Челленджера и испытали на себе сильное влияние его идей. Однако Мелоун в одном из споров все же сказал, что мнение умного человека, ничего не знающего о спиритизме, значит для него меньше, чем мнение рядового человека средних способностей, присутствовавшего на сеансе.

Обычно споры разгорались между Мелоуном и Мервином, редактором газеты «Доун», публиковавшей материалы об оккультизме – от тайных знаний розенкрейцеров до удивительных открытий ученых, изучавших пирамиды, или тех, кто доказывал семитское происхождение светловолосых англосаксов. Энергичный коротышка Мервин обладал необычайно острым умом и мог бы достичь на своем поприще головокружительных успехов, не сделай он своим кумиром истину. Мервин с удовольствием делился с Мелоуном обширными познаниями, найдя в последнем благодатного слушателя, и потому официантам из Литературного клуба стоило немалого труда заставить их покинуть угловой столик, за которым они обычно обедали. Поглядывая из окна на длинную изогнутую линию набережной и на величественную реку с множеством мостов, эти двое неспешно пили кофе и курили, обсуждая со всех сторон удивительное явление, открывшее Мелоуну глаза на многое, о чем он ранее не задумывался.

На этот раз слова Мервина вызвали у журналиста сильное раздражение, можно сказать, даже приступ гнева, ибо приятель вздумал давать ему советы. Мелоун отличался ирландским упрямством, и предостережения Мервина показались ему оскорбительным посягательством на его свободу.

– Итак, вы собираетесь присутствовать на домашних сеансах Болсоувера? О них много говорят, хотя мало кому удалось их посетить. Вы, надо признать, удостоились особой чести. Явный знак расположения.

– Болсоувер считает, что я объективно описал собрание.

– Ваша статья – не блеск, но на фоне той скучищи и бессмыслицы, которыми пестрят газеты, она выделяется: в ней есть такт и чувство меры.

Мелоун пренебрежительно отмахнулся.

– Сеансы, подобные тем, что проводит Болсоувер, нельзя отнести к «высокому» спиритизму. Я бы сравнил их с грубым фундаментом, несомненно необходимым – на нем зиждется здание – , но, поселившись в доме, о нем тут же забывают. Интереснее иметь дело с более тонкими надстройками. Конечно, если доверять жаждущей сенсации желтой прессе, то вершиной сверхъестественного будут именно физические проявления, вроде призраков или домов с привидениями. Физические проявления, ясно, нельзя игнорировать; они даже приносят пользу, привлекая внимание исследователей и побуждая идти в познании дальше. Но лично я, увидев их однажды, не сдвинулся с места, чтобы взглянуть еще раз. А вот, чтобы вступить в контакт с более высокими сферами, обойду полсвета.

– Понимаю вас и тоже вижу разницу. Но я-то не верю ни в физические, ни в психические проявления так называемых сверхъестественных сил.

– Знаю. Кстати, Святой Павел был величайшим медиумом и экстрасенсом. Он говорит об этом настолько откровенно, что даже безграмотные переводчики не сумели скрыть истинного значения его слов, хотя весьма преуспели в иносказаниях.

– Вы не могли бы процитировать его слова?

– Я неплохо знаю «Новый Завет», но не наизусть. Это там, где он говорит, что дар человеческого языка присущ всем непосвященным, но дар ангельского, духовного языка дается лишь избранным. Говоря другими словами, опытный спиритуалист не станет интересоваться объектами чувственного восприятия.

– Посмотрю это место.

– Найдете его в «Послании к Коринфянам». У религиозного братства того времени был, видимо, высокий уровень интеллекта, если послания Павла зачитывались на службах и должным образом воспринимались.

– Разве это не общепризнано?

– И послания Павла – один из конкретных примеров. Однако я уклонился в сторону. Мой совет – не относитесь к кружку Болсоувера слишком серьезно. Это честные люди, но мелко плавают. Постоянные поиски физических подтверждений существования сверхъестественных сил похожи на болезнь. Мне знакомы такие люди, в большинстве своем женщины, которые бегают с сеанса на сеанс и всюду видят одно и то же – иногда это подлинное чудо, а иногда и обман. Разве станешь после таких сеансов лучше? Они ничего не дают душе. Нет, если уж стоишь на первой ступеньке, не теряй времени зря, сделай усилие и поднимайся выше.

– Понимаю вас. Но я-то стою на твердой почве.

– Твердой! – вскричал Мервин. – Боже, какая наивность! Однако мне пора ехать в типографию – сегодня вечером выходит моя газета. У нас небольшой тираж – всего десять тысяч, не то, что у вас, плутократов утренней прессы, и я практически один делаю номер.

– Но вы хотели меня от чего-то предостеречь?

– Да, действительно, – худое энергичное лицо Мервина посерьезнело. – Если у вас есть твердые религиозные убеждения или укоренившиеся предрассудки, из-за которых вы можете, изучив феномен, разнести его в пух и прах, не лезьте в это дело вовсе – опасно.

– Что вы имеете в виду?

– Они терпимы к честным сомнениям, непредвзятой критике, но если им вредят, они становятся опасны.

– Кто это «они»?

– Кто? Не знаю, как их назвать. Духи, психические сущности или астральные существа. Как хотите. Неважно, кто они – великодушные или злые, они несут возмездие или воздают за добро. Главное – они существуют.

– Что за чушь, Мервин!

– Не будьте так самоуверенны, Мелоун.

– Ерунда! Вновь оживилась средневековая чертовщина. Как может такой разумный человек, как вы, верить в эту галиматью!

Мервин улыбнулся своей неподражаемой улыбкой, но глаза его, пытливно смотревшие из-под густых светлых бровей, оставались серьезными.

– Не исключено, что вы измените свое мнение. Этот феномен обладает весьма странными свойствами. Хочу как друг предостеречь вас.

– Я весь внимание.

Ободренный словами журналиста, Мервин приступил к рассказу. Он знал нескольких людей, которые легкомысленно отнеслись к потусторонним силам, вели двойную игру и серьезно поплатились за это. Среди них были судьи, которые выносили несправедливые приговоры, основываясь на предвзятом мнении; журналисты, писавшие сенсации ради лживые материалы, бросавшие тень на спиритическое движение; или их коллеги, бравшие интервью у медиумов с заведомой целью их высмеять; просто любопытствующие, которые при первом знакомстве с явлением пугались и отшатывались, осудив его, хотя в глубине души понимали, что столкнулись с чем-то серьезным.

– Уверяю вас, – ответил Мелоун, – подобным образом можно объяснить любой трагический случай. Предположим, мистер Джонс назвал Рафаэля мазилой и вскоре после этого умер от грудной жабы. Следовательно, критиковать Рафаэля опасно? Если следовать вашей логике...

– Думайте, как хотите.

– А вот другой пример. Возьмем Моргейта. Он материалист и, значит, убежденный противник спиритизма. Но он преуспевает, вот и профессорское звание недавно получил.

– Честный враг – совсем другое дело. Никому не запрещается иметь другие убеждения.

– А что вы скажете о Моргане, который разоблачил нескольких медиумов?

– Они были мошенниками, и он только сослужил добрую службу движению.

– А Фальконер? Он смешал спиритизм с грязью.

– Ах, Фальконер! А знаете ли вы что-нибудь о его частной жизни? Нет? Уверяю вас он получил по заслугам. И не знает за что. Но когда-нибудь эти джентльмены, сопоставив факты, возможно, что-то поймут. Правда, будет уже поздно.

И Мервин рассказал страшную историю о человеке, употребившем свой незаурядный талант на то, чтобы пригвоздить спиритизм к позорному столбу, хотя и не сомневался в честности исповедующих его людей. Он поступил так из корыстных соображений. Конец этой истории был настолько страшен, что Мелоун взорвался.

– Прекратите, Мервин, выкрикнул он с негодованием. – Я напишу то, что думаю, – меня ничем не собьешь. И не пытайтесь запугать, ни вы, ни ваши духи – никто не заставит меня изменить свое мнение.

– Никто вас и не застав...

– А как прикажете вас понимать? То, что вы говорите – суеверие чистой воды. Будь это правдой, вас всех надо было бы привлечь к суду.

– Привлекали, и не раз. Но мы здесь ни при чем. Однако, Мелоун, я только предупредил, а там – дело ваше. Поступайте, как считаете нужным. Всего доброго! Всегда можете застать меня в «Доуне». Звоните.

Существует один безошибочный прием, позволяющий со стопроцентной точностью выяснить, есть ли в интересующем вас человеке ирландская кровь. Поставьте его перед вращающейся дверью, с одной стороны которой написано «к себе», а с другой – «от себя». Англичанин – существо разумное – поступит, как ему подсказывают. Ирландец же, в котором чувство независимости всегда берет верх над здравым смыслом, обязательно сделает наоборот. То же самое случилось и с Мелуном. Предостережение, сделанное Мервином из самых лучших побуждений, пробудило в журналисте дух противоречия. Поэтому, когда он заехал за Энид, чтобы вместе с ней отправиться на сеанс к Болсоуверу, зародившаяся, было, в нем симпатия к спиритуалистам заметно поубавилась. Провожая молодых людей, Челленджер весь изошелся в насмешках, его лицо приняло выражение, появлявшееся у него в особенно озорном настроении – борода торчала вперед, глаза были полузакрыты, а брови топорщились.

– Дорогая Энид, обязательно прихвати с собой сумочку: попадетесь приличный экземпляр эктоплазмы, не забудь про отца. У меня всегда наготове микроскоп, химические реактивы и все остальное. А вдруг повезет, и ты сумеешь прихватить с собой небольшое привидение. Буду рад любому пустячку.

Громовой хохот профессора сопровождал парочку до самого лифта.

То, что мистер Болсоувер называл «магазинчиком», оказалось старомодной бакалейной лавкой, расположенной в многолюдном районе Хаммерсмита. Башенные часы ближайшей церквушки как раз пробили три четверти, когда такси подъехало к лавке. В ней еще толпился народ, и потому Энид и Мелуон не вошли внутрь, а стали прогуливаться взад-вперед по улице. Тут подкатило другое такси, из которого выбрался крупный мужчина в твидовом костюме с неровно подстриженной бородой. Взглянув на часы, он тоже стал мерить шагами тротуар. Заметив молодых людей, подошел к ним.

– Позвольте узнать, не вы ли тот журналист, что собрался посетить наш сеанс... Ага, я так и подумал. Вы мудро поступили, не войдя в лавку: похоже, у старины Болсоувера выдался тяжелый денек. Пошли ему сил Господь, он стоит того.

– А вы, полагаю, мистер Альджернон Мейли?

– Да. Я тот джентльмен, чья доверчивость вызывает сильное беспокойство у некоторых моих друзей, о чем они частенько мне говорят. – После этих слов он оглушительно расхохотался, и смех его был так заразителен, что молодые люди присоединились к нему. Беспокойство за мистера Мейли действительно казалось смешным, учитывая его атлетическое, несмотря на некоторую рыхлость, сложение, а также могучий бас и мужественное, хотя и несколько простоватое лицо.

– Наши противники клеймят нас как могут, – сказал он. – Интересно, как поступите вы.

– Не станем притворяться, – произнесла Энид. – Пока мы не ваши единомышленники.

– Ничего. Здесь требуется время. Но дело стоит того. Я и сам не сразу уверовал. Нельзя осуждать людей за их сомнения, зато за огульное отрицание – можно. Теперь я, как видите, стою горой за спиритизм, потому что знаю – в нем истина. Между верой и знанием – большая разница. Читая лекции, я никогда не стремлюсь сразу убедить слушателей. Не верю в стремительные обращения: они поверхностны и неубедительны. Я пытаюсь только предельно ясно рассказать о сути дела. При этом говорю обо всем правдиво, особо останавливаясь на том, почему мы считаем, что тут кроется истина. На этом моя миссия заканчивается, Люди могут принять мое сообщение к сведению или сразу отвергнуть. Мудрее всего поступит тот, кто будет сам исследовать указанные мною тропы. Никогда не давлю на слушателей и не вербую сторонников. В конце концов это их дело, а не мое.

– Разумно, – отозвалась Энид, которую подкупила искренность нового знакомого. Теперь они стояли у ярко освещенной витрины лавки Болсоувера и могли хорошо рассмотреть друг друга. У мистера Мейли оказался высокий лоб, внимательные серые глаза, взгляд задумчивый и пытливый, за рыжеватой бородкой угадывался волевой подбородок. Основательный человек,

ничего не скажешь, и совсем не похож на фанатика. Не таким представляла его себе девушка. В последнее время имя Мейли, упорно отстаивавшего свои убеждения, частенько мелькало в газетах, и, услышав его, отец всякий раз презрительно фыркнул.

– Интересно, – обратилась Энид к Мелоуну, – что случилось бы, окажись мистер Мейли в запертой комнате один на один с отцом?

Мелоун засмеялся:

– Похоже на школьный вопрос: что будет, если всесокрушающая сила натолкнется на неодолимое препятствие?

– Вы дочь профессора Челленджера? – полюбопытствовал Мейли. – Он знаменитость в научном мире. Как далеко могла бы шагнуть наука, осозная она свою ограниченность!

– Не понимаю вас.

– Наш материализм питается научными достижениями. Наука создает нам комфортабельное существование – то, что нам, в сущности, не очень-то и нужно. В остальных отношениях она вообще стала сущим проклятием, создавая ложное впечатление, что способствует прогрессу. На самом же деле мы непрерывно откатываемся назад.

– Позволю себе не согласиться, мистер Мейли, – вступил в разговор Мелоун, не в силах более терпеть категоричность его суждений. – А телеграф? Радиосигналы S.O.S., спасшие множество жизней? Разве они не благодеяния для человечества?

– Не спорю, случаются и удачи. Сам не могу обойтись без настольной лампы, а ведь она тоже продукт научного прогресса. Как я уже говорил, наука принесла нам комфорт и относительную безопасность.

– В таком случае, зачем заниматься ее унижением?

– Он скрывает от нас истинные ценности и самую цель жизни. Ведь не для того же нас поместили на эту планету, чтобы мы мчались на машинах со скоростью пятьдесят миль в час, перелетали через Атлантический океан и переговаривались между собой по телеграфу или радио? Все это не главное в жизни и место ему на периферии нашего сознания. Ученые же нарочито концентрируют внимание людей на этих материальных победах, заставляя нас забыть нашу основную задачу.

– Не совсем понимаю вас.

– Согласитесь, что цель путешествия важнее скорости. Точно так же важен не способ, каким вы передаете сообщение, а его содержание. Так называемый «прогресс» может в любой момент обернуться страшным бедствием, ибо мы забыли, что единственно возможный прогресс – преуспевать в том, для чего Бог послал нас в этот мир.

– А для чего?

– Подготовиться к будущей жизни. Нужно постоянно тренировать разум и дух, ведь то и другое находится у нас в полном запустении. С годами мы должны становиться лучше, добрее, великодушнее, отзывчивее, терпимее. Земля – это своеобразная фабрика душ, но сейчас она выпускает брак. Однако что это я? – он снова залился своим заразительным смехом. – Кажется, начинаю читать лекции прямо на улице. Вот она, привычка. Как утверждает мой сын, нужно только нажать третью пуговицу на моем жилете, и я тут же начинаю вещать. Но вот идет ваш избавитель, старина Болсоувер.

Почтенный лавочник, заметив их через окно, поторопился выйти навстречу, на ходу развязывая фартук.

– Добрый вечер! Прошу заходить – нечего стоять на холоде. Да и время подошло. Не стоит заставлять ждать. Мой девиз, да и наших гостей тоже – точность во всем. Мои помощники закроют лавку. Пожалуйста сюда, только не споткнитесь о мешки с сахаром.

Они пробрались между ящиками с сухофруктами, головками сыров и, протиснувшись наконец между двумя огромными бочками – причем особенно трудно пришлось тучному бакалейщику, – оказались перед дверью, ведущей в жилую часть дома. Поднявшись по узкой лест-

нице, Болсоувер отворил еще одну дверь, и они вошли в просторную комнату, где уже собралось несколько человек, сидевших вокруг стола.

Среди них была и миссис Болсоувер – такая же дородная, жизнерадостная и добродушная, как и ее муж. Три их дочери были очень похожи на своих симпатичных родителей. Там же сидела пожилая дама, видимо, родственница хозяев и еще две довольно невзрачные женщины, которых представили как спиритуалисток и добрых соседей. Единственный мужчина – седовласый крепыш приятной наружности, с насмешливыми, живыми глазами – сидел в углу за фисгармонией.

– Мистер Смайли, наш музыкант, – представил его Болсоувер. – Не знаю, что бы мы без него делали. Вы ведь слышали про необходимость предварительного настроя. Мистер Мейли может многое об этом рассказать. Дорогие дамы, нет нужды представлять вам мистера Мейли, нашего доброго друга. А это мисс Челленджер и мистер Мелоун, журналисты.

Семейство Болсоувер просияло навстречу вошедшим радостными улыбками. Но тут, окинув их суровым взглядом, поднялась пожилая дама.

– Добро пожаловать, молодые люди, – отчеканила она. – Вам здесь рады и рассчитывают на ответное уважение. Но знайте – мы глубоко чтим тех, кто снисходит к нам с сияющих высот и не хотим, чтобы над ними глумились.

– Уверю вас, мы здесь с самыми честными намерениями.

– Мы уже научены горьким опытом. Этот случай с Мэдоу – вы помните, мистер Болсоувер? – никак не забудется.

– Успокойтесь, миссис Сэлдон. Больше такого не повторится. Нас всех потрясла эта история, – обратился мистер Болсоувер к гостям. – Мэдоу пришел сюда как гость, и когда выключили свет, стал тыкать пальцем в соседей. Те же, ничего не подозревая, решили, что это действия потусторонних сил. Позже он издевался над ними в газете, хотя единственным мошенником был он сам.

Мелоуна шокировал этот рассказ:

– Уверю вас, мы на такое не способны.

Пожилая дама опустила на стул, продолжая бросать подозрительные взгляды на нашу парочку. Болсоувер засуетился, подготавливая все необходимое.

– Проходите сюда, мистер Мейли. Вы, мистер Мелоун, садитесь между моей женой и дочерью. А вам куда угодно, молодая леди?

Энид вся напряглась от волнения:

– Я хотела бы сесть рядом с мистером Мелоуном.

Болсоувер хмыкнул и подмигнул жене:

– Конечно, мы понимаем.

Все расселись по местам. Мистер Болсоувер выключил электрический свет, оставив гореть одну свечу в центре стола. Вот сцена, достойная кисти Рембрандта, – отметил про себя Мелоун. Все утонуло во мраке; желтый мерцающий свет тускло освещал только лица сидевших у стола – мужественную, грубоватую физиономию Болсоувера и всего его добропорядочного семейства; умное лицо миссис Сэлдон; внимательные глаза и рыжую бородку Мейли; усталые, потертые лица женщин из Спиритуалистического общества и, наконец, тонкий благородный профиль сидевшей рядом девушки. Казалось, весь необъятный мир вдруг сузился до размеров этого кружка, всецело сосредоточенного на одной цели.

На столе лежали разные предметы, изношенность которых говорила о долгой и верной службе. Среди них были выдавшие виды рупор, бубен, музыкальная шкатулка и всякие прочие мелочи.

– Никогда не знаешь, что понадобится, – сказал Болсоувер, указывая на них. – Если нужная вещь будет отсутствовать, Уи Ван просто с ума сойдет... Здесь такое может начаться!

– Она с характером, – подтвердила миссис Болсоувер.

– А что ты хочешь, дорогая? – сказала суровая дама. – К скольким ей вот так приходится приходиться! Я частенько задаю себе вопрос, почему она вообще к нам является?

– Уи Ван – наш гид, маленькая девочка, – объяснил Болсоувер. – Вы услышите ее голос.

– Надеюсь, она сумеет прийти, – сказала Энид.

– Она ни разу не подводила, кроме того случая, когда этот негодяй Мэдоу отодвинул рупор, и тот оказался вне круга.

– А кто у вас медиум? – спросил Мелоун.

– Сами не знаем. Все стараются понемногу. Думаю, и я помогаю. И, конечно, женушка.

– Мы работаем на семейном подряде, – вступила та в разговор, и все рассмеялись.

– Разве не всегда бывает один, главный, медиум?

– Обычно, но не всегда, – раздался уверенный бас мистера Мейли. – Это доказал Кроуфорд на сеансах у Голлера, когда, взвесив участников до и после сеанса, установил, что каждый потерял за это время от полуфунта до двух, а медиум, мисс Кэтлин, примерно десять или двенадцать. Здесь же мы имеем дело с регулярными сеансами... Сколько вы уже этим занимаетесь, мистер Болсоувер?

– Полных четыре года.

– За это время каждый участник успевает развить в себе достаточную медиумическую силу, и поэтому все выкладываются равномерно, а не черпают силу только из одного источника.

– Простите, что черпают?

– Животный магнетизм, эктоплазму – словом, энергию. Это, пожалуй, самое подходящее слово. Христос тоже употреблял его. «Много энергии потерял я». По-гречески это звучит «динамис», что переводчики неправильно переводят как «сила». Мы узнали бы много интересного, если бы «Новый Завет» перевел человек, не только хорошо знающий греческий, но и преуспевающий в изучении оккультных наук. Кое-что в этом направлении сделал добрейший Эллис Пауэлл. Его смерть была большой потерей для человечества.

– Да уж, – почтительно поддакнул Болсоувер. – И еще, мистер Мелоун, хочу обратить ваше внимание на следующие вещи. Видите белые пятна на рупоре и бубне? Это фосфоресцирующая краска, она наносится на предметы, чтобы легче следить в темноте за их передвижениями. А это наш обеденный стол из прочного английского дуба. Можете осмотреть его. Хотя то, что вы увидите, никак от стола не зависит. А теперь, мистер Смайли, тушим свет, а вас попросим сыграть «Утес вечности».

В темноте раздалась музыка, и собравшиеся запели. Их пение отличалось мелодичностью, у девушек был отменный слух и приятные голоса. Гимн звучал торжественно и величаво, трогая до глубины души, и вскоре смысл слов как бы отступил, оставив одну только музыку.

Руки певцов, согласно правилам, лежали на столе, запрещалось также скрещивать ноги. Мелоун, слегка касаясь руки Энид, ощущал как она дрожит, – нервы девушки напряглись до предела. Болсоувер своим добродушным голосом разрядил обстановку.

– Все в порядке, – сказал он. – Сегодня отличные условия. В воздухе уже ощущается холодок. Призываю вас помолиться вместе со мной.

Простая, идущая от сердца молитва торжественно зазвучала в темноте – почти полной, если не считать слабый блеск догорающей свечи.

– Отец наш небесный, – раздалось во тьме. – Непостижимый для нас и Вездесущий, сделай так, чтобы Зло не коснулось нас сегодня вечером, и мы вступили в связь, пусть только на время, с теми, кто пребывает на более высокой ступени бытия. Ведь Ты – отец всем нам. Позволь на краткий миг пережить радость братского общения и узнать больше о вечной жизни, ожидающей нас. Это поможет Твоим детям прожить достойно отпущенное им время в этом бренном мире.

В заключение Болсоувер вместе с остальными членами кружка прочитал «Отче наш». Затем воцарилось выжидательное молчание. Снаружи доносился уличный шум, иногда скрип автомобильных тормозов.

В комнате же никто не нарушал тишины. Энид и Мелоун держась настороже, напряженно вглядывались в темноту.

– Ничего не поделаешь, – произнес наконец Болсоувер. – Это требовательная публика. Нужно еще музыки. С ее помощью они настраиваются на нужную волну. Сыграйте нам еще, мистер Смайли.

Фисгармония вступила вновь. Музыка еще не смолкла, когда одна из женщин вскрикнула:

– Довольно! Тише! Они здесь!

Все замерли, но ничего не произошло.

– Вот! Вот! Я ощущаю присутствие Уи Ван. Она в комнате. Поверьте мне.

Вновь тишина, и наконец вот оно, чудо, – впрочем, чудо только для гостей, для постоянных членов кружка – вполне рядовое событие.

– Добрый вечер! – зазвенел нежный голосок. Раздались ответные приветствия, дружелюбный смех. Все заговорили разом: «Добрый вечер, Уи Ван! – Вот и ты! – Я знала, что ты придешь! – Умница, девочка!»

– Желаю всем доброго вечера! – повторил голосок. – Уи Ван рада видеть Папочку, и Мамочку, и всех остальных. О, какой великан с бородой! Мейли! Мистер Мейли, я ведь уже видела вас. Мейли – великан, а я малышка. Рада вас видеть, мистер Великан!

Энид и Мелоун сидели как громом пораженные. Но общение между невидимым существом и остальными членами кружка проходило так непринужденно, что напряжение быстро спало. Голосок был очень высокий и тонкий – такой фальцет взрослому недоступен. Нежный голос девочки. Да, именно так. Но среди присутствующих не было никакой девочки, разве только она пробралась в комнату, когда потушили свет? Что ж, возможно. Однако голос шел из центра стола. Как ребенок попал туда?

– Успокойтесь, мистер, – проговорил голосок, как бы отвечая на мысли Мелоуна. – Папочка сильный. Он поднял Уи Ван и поставил на стол. А вот сейчас я покажу вам такое, чего Папочке не сделать.

– Смотрите, рупор поднялся в воздух, – вскричал Болсоувер.

Фосфоресцирующее пятно бесшумно взмыло вверх. Теперь оно покачивалось над головами людей.

– Поднимись выше и постучи по потолку, – попросил Болсоувер.

Пятно послушно поплыло выше, и все услышали металлическое постукивание. Затем снова послышался голосок:

– Какой умный Папочка! Взял удочку и забросил рупор к потолку. Но как ему удастся говорить таким голосом? Что вы думаете молодая леди? А это вам подарок от Уи Ван.

Что-то мягкое упало на колени Энид. Девушка ошупала «подарок».

– Это цветок – хризантема. Спасибо, Уи Ван.

– Дар небес? – спросил Мейли.

– Нет, мистер Мейли. Она стояла в вазе на фисгармонии. Поговорите с нашей девочкой, мисс Челленджер. Связь не должна прерваться.

– Кто ты, Уи Ван? – спросила Энид, не сводя глаз со светящегося пятна над своей головой.

– Маленькая темнокожая девочка. Мне восемь лет.

– Что ты говоришь, милочка? – вмешалась мать семейства, урезонивая девочку своим глубоким контральто. – Тебе было восемь, когда мы познакомились, а ведь с тех пор прошло много лет.

– Это для вас много. Для меня – миг. Пока я работаю на вас, мне всегда будет восемь лет. Когда же кончу, сразу вырасту. У нас здесь другое время. Мне все время восемь лет.

– Обычно они взрослеют точно так же, как мы на земле, – сказал Мейли. – Но если им поручают работу, которую должен исполнять непременно ребенок, они не взрослеют до ее завершения. Что-то вроде задержанного развития.

– Вот-вот. Именно «задержанного развития», – гордо подтвердил голосок. – Этот великан всегда учит маленькую девочку изысканным английским выражениям.

Все засмеялись. Общение было удивительно легким и искренним. Мелоун расслышал шепот Энид.

– Ущипните меня, Эдвард, а то мне кажется, что я сплю.

– Меня тоже нужно ущипнуть.

– А песенку ты споешь, Уи Ван? – спросил Болсоувер.

– А то как же! Уи Ван споет для вас. – Она начала петь какую-то простенькую песенку, но вдруг, слабо пискнув, замолкла, тут же раздался стук упавшего на стол рупора.

– Ушла энергия, – констатировал Мейли. – Думаю, пение поможет. Смайли, сыграйте «Дивный Свет, укажи нам путь!»

Вновь зазвучало чарующее пение. Оно еще не прекратилось, как чудеса возобновились, но опять только для гостей, для всех остальных это было, видимо, делом привычным.

Хотя светящееся пятно свидетельствовало, что рупор по-прежнему лежит на столе, два голоса, мужской и женский, подхватили мелодию. Последние звуки смолкли, и в комнате вновь воцарилось напряженное, молчаливое ожидание.

Его прервал низкий мужской голос. Говорил образованный англичанин: ни его интонацию, ни саму манеру выражаться Болсоувер никогда бы не смог воспроизвести.

– Добрый вечер, друзья. Сегодня неплохая энергия.

– Добрый вечер, Люк! Добрый вечер! – послышалось со всех сторон. – Это наш покровитель, – объяснил Болсоувер. – Высокий дух из шестой сферы. Советы его всегда поучительны.

– Вам я, может быть, и кажусь высоким, но бесконечно мал для направляющих меня! Не своей мудростью делюсь я с вами. Не заблуждайтесь. Я только передатчик.

– Он всегда держится скромно, – сказал Болсоувер. – Никакого хвастовства. Это только подчеркивает его величие.

– Вижу среди вас двух новых людей. Добрый вечер, мисс. Вы, полагаю, ничего не знаете о собственной энергии и вашем предназначении. Ничего, скоро узнаете. Добрый вечер, сэр. Вы находитесь в преддверии величайшего открытия. Может быть, хотите задать мне вопрос? Я вижу, вы делаете записи.

Мелоун действительно пытался как мог стенографировать в темноте происходящее.

– Так о чем же мне рассказать вам?

– О любви и браке, – предложила миссис Болсоувер, кокетливо подталкивая локтем мужа.

– Хорошо, постараюсь кое-что объяснить. Но долго говорить не смогу: к вам здесь установилась целая очередь. Комната кишит духами, жаждущими пообщаться с вами. Прежде всего хочу, чтобы вы поняли: для каждого мужчины есть только одна женщина, а для каждой женщины – только один мужчина. Встретившись, они больше не расстаются и, став одним целым, парят в вечности. Все предыдущие союзы случайны и бессмысленны. Раньше или позже каждый находит свою половину. Не обязательно на земле, возможно, в следующей сфере, где мужчины и женщины общаются между собой точно так же, как и на земле. Главное – у каждого мужчины и каждой женщины есть тот родной человек, с которым они обязательно воссоединятся. В будущей жизни сохраняется лишь пятая часть земных браков. Все остальные – случайны. Настоящий брак – союз душ. Секс – всего лишь материальный символ любви, равным счетом ничего не значащий, смешной и даже вредный, если отсутствует то главное, что он символизирует. Моя мысль ясна?

– Предельно ясна, – отозвался Мейли.

– У многих на земле не те спутники жизни. У некоторых их нет вообще, и это даже лучше. Но со временем каждый обретет супруга. Будьте в этом уверены. А, возможно, с вами останется и ваш прежний спутник.

– Хвала Богу! Слава Всевышнему! – прокричал другой голос.

– Вы ошибаетесь, миссис Мелдер. К этому Он не имеет ни малейшего отношения. Все решает любовь, истинная любовь, только она соединяет. Ваш супруг живет своей жизнью. Вы – своей. Может, даже на разных планетах. Но однажды вы встретитесь, и к вам вернется ваша юность.

– Когда вы употребляете слово «любовь», подразумеваете ли вы сексуальный союз?

– Вот куда нас занесло, – пробормотала миссис Болсоувер.

– Дети здесь не рождаются. Такое бывает только на земле. Об этом говорил и великий Учитель: «В воскресении ни женятся, ни выходят замуж»... Конечно, нет! У нас вершатся союзы душ – чистые, глубокие, блаженные, когда сливаются полностью помыслы и чувства, но сохраняется индивидуальность. На земле с этим высоким супружеством может сравниться разве что первая пылкая страсть, когда влюбленные даже не помышляют о физической близости, настолько возвышенно их чувство. Позже они приходят к плотскому выражению любви, но сердца их знают, что тот нежный союз душ был во сто крат прекраснее. Итак, я ответил вам. Какие будут еще вопросы?

– А если женщина любит одновременно двух мужчин? – спросил Мелоун.

– Такое редко встречается. Обычно она сердцем чувствует, кого на самом деле предпочитает. В противном случае эта двойственность означает, что женщина еще не встретила свою настоящую любовь, ее будущий возлюбленный обитает в высшей сфере. Конечно, если она...

Голос оборвался, и рупор упал на стол.

– Поем «Ангелы витают над нами», – выкрикнул Болсоувер. – А ну-ка, Смайли, вдарьте по этой старой фисгармонии. Энергия почти на нуле.

Музыка отгремела, и в глубокой тишине раздался полный отчаяния голос. Никогда Энид не слышала ничего более печального. Разве что стук падающих на крышку гроба комьев земли. Вначале послышалось несвязное бормотание. Потом слова молитвы, видимо, на латыни, потому что два раза говорящий употребил слово «Domine»⁴ и один раз «reccavimus».⁵ Чувство бесконечной тоски и одиночества разлилось в комнате.

– Господи, что же это такое? – воскликнул Мелоун.

Все озадаченно молчали.

– Какой-нибудь горемыка из низших сфер, – предположил Болсоувер. – Обычно советуют не иметь с ними дела. А мне бы так хотелось помочь ему.

– Правильно, Болсоувер, – одобрил Мейли. – Действуйте, не мешкая.

– Чем мы можем помочь тебе, друг?

Молчание.

– Он сам не знает. Наверное, не понимает, что с ним происходит. Где Люк? Он скажет, что делать.

– Что случилось, друзья? – послышался приятный голос наставника.

– Здесь какой-то бедняга. Хотелось бы помочь ему.

– Ах, да. Он недавно пришел из вашего мира, – сказал Люк сочувственно. – И, конечно, растерян. Ничего не понимает. Он из тех, что попадают к нам с полученным в церкви твердым представлением о том, что должны здесь увидеть. Но у нас все иначе, и новички теряют голову. Первое время они совершенно беспомощны, потом некоторые привыкают, приспособляются

⁴ Господи (лат.)

⁵ Грешные (лат.).

и начинают жить как все. Другие же упорствуют в своих заблуждениях, не могут свыкнуться и продолжают блуждать неприкаянными, как этот человек. В прошлой жизни он был религиозным фанатиком – ограниченным и упрямым. Зерно невежества, посеянное на земле, возшло здесь скорбью.

– Что его так тяготит?

– Он не знает, что мертв. Блуждает как в тумане. Все кажется ему страшным сном. После его смерти прошли годы, ему же они кажутся вечностью.

– Почему вы не объясните ему ситуацию, не подскажите, что делать?

– Мы не можем. Мы...

Рупор упал.

– Смайли, скорее музыку. Нужно прибавить энергии.

– Высшим духам нельзя общаться с теми, кто привязан к земле, – объяснил Мейли. – У них разные энергетические зоны. Мы ближе к этим несчастным и скорее можем им помочь.

– Правильно! Именно вы! – почти выкрикнул Люк. – Поговорите с ним, мистер Мейли. Вам знакомы такие, как он.

– Друг, позволь сказать тебе несколько слов, – громко и отчетливо произнес Мейли. Бормотание прекратилось, и у всех появилось ощущение, что несчастный замер, прислушиваясь. – Нам очень жаль тебя. Знай, ты умер. Ты видишь нас и не можешь уразуметь, почему мы не видим тебя. Но ты на том свете, в потустороннем мире. Ты ожидал другого, потому и не догадался, где находишься. Ты думал, что тебя встретят иначе. Но там все оказалось не так. Ты должен понять, что все – благо, что Бог – добро и что тебя ожидает блаженство в том случае, если ты возвысишься духом, будешь молиться о помощи и думать не только о своем печальном положении, но и о тех страдальцах, которые так же скитаются, объятые мраком.

Несколько минут тишины, и вновь голос Люка.

– Он услышал вас и благодарит. Прозрение постепенно приходит к нему. Со временем он обретет и большее знание. Он спрашивает, может ли прийти еще.

– Конечно! Конечно! – возопил Болсоувер. – У нас уже есть несколько подопечных, которые раз от разу становятся все более сведущими. Да благословит тебя Бог, дружище! Приходи, когда хочешь.

Лепет прекратился, а к присутствующим пришло сладостное чувство покоя и умиротворения. Тут раздался тоненький голосок Уи Ван.

– Осталось еще много энергии. Тут Красное Облако. Если Папочка пожелает, он может что-нибудь показать.

– Красное Облако – индеец и тоже наш гид. Незаменим, когда нужно продемонстрировать какое-нибудь физическое действие. Ты здесь, Красное Облако?

Три громких стука, словно били молотком по дереву, раздались в тишине.

– Добрый вечер, Красное Облако!

Новый гость заговорил отрывистыми фразами, медленно и с трудом выговаривая слова.

– Здравствуй, вождь! Как здоровье скво? Детишек? Никак в вигваме новые лица?

– Они здесь в поисках истины, Красное Облако. Покажи им, что ты умеешь делать.

– Попробую. Подождите минутку. Буду стараться.

Вновь тягостное ожидание, а затем новые чудеса.

Во мраке появилось смутное мерцание, что-то вроде струйки светящегося дыма. Сначала она вилась от одной стены к другой, а затем закрутилась в центре комнаты. Постепенно струйка как бы сгущалась, превратившись наконец в яркий кружок размером с сигнальный фонарь. Он не отбрасывал света, и потому особенно резко выделялся в темноте. Кружок подплыл к самому лицу Энид, и Мелоун мог его хорошо рассмотреть.

– Но его держит чья-то рука, – воскликнул он с вновь вспыхнувшим подозрением.

– Конечно. Это материализованная рука, – сказал Мейли. – Я тоже ясно вижу ее.

– Хотите, чтобы она коснулась вас, мистер Мелоун?

– Да, если можно.

Свет погас, и почти тут же Мелоун ощутил чье-то прикосновение. Он подставил свою ладонь и отчетливо почувствовал, как на нее легли три пальца – теплые, гладкие, средней величины. Мелоун сжал руку, и пальцы как бы растаяли в ней.

– Она исчезла, – задыхась от волнения, проговорил журналист.

– Что поделаешь! У Красного Облака бывают такие промашки. Но его световые эффекты великолепны.

Тут же, как бы в подтверждение этих слов, началась еще более поразительная игра света. По комнате медленно поползли разной величины облачка и заплясали крошечные искорки, похожие на светлячков. Тогда же молодых людей обдал ледяной порыв ветра. Нельзя было приписать его обману чувств: у Энид даже сдуло на лоб прядь волос.

– Вы, наверное, ощутили порыв ветра? – спросил Мейли. – Некоторые из огоньков могут сойти за языки пламени. После этого Троица уже не покажется вам таким уж невозможным феноменом.

Бубен взмыл вверх; по светящемуся пятну было видно, как он описывал круги под потолком. Затем бубен опустился ниже и поочередно коснулся голов всех присутствующих. И как бы успокоившись, с певучим звоном водворился на место.

– Почему бубен? Почему используется один только бубен? – спросил Мелоун.

– Удобен и компактен, – объяснил Мейли. – И всегда укажет звоном, где находится. А что вы еще можете предложить? Разве только музыкальную шкатулку.

– Наша шкатулка проделывает иногда удивительные вещи, – похвасталась миссис Болсоувер. – Ей ничего не стоит взмыть под самый потолок. А ведь она тяжеловата.

– Девять фунтов, – уточнил Болсоувер. – Однако, судя по всему, наше время подошло к концу. Не думаю, что мы сегодня еще что-нибудь высидим. Сеанс прошел неплохо, можно сказать, на хорошем среднем уровне. Перед тем как включить свет, надо немного обождать. Ну, что скажете, мистер Мелоун? Если вас обуревают сомнения, выкладывайте сразу. А то есть у вас, журналистов, одна неприятная черта: сначала ни гу-гу, только удыбки и рукопожатия, а потом дома вы расслабляетесь, еще раз прокручиваете все в голове и пишете, что мы жулики.

Кровь застучала в висках у Мелоуна, он провел рукой по пылающему лбу.

– Не знаю, что и думать, – признался журналист, – но вечер произвел на меня сильное впечатление. Можно сказать, потряс. Кое-что я читал, но увидеть самому – совсем другое дело. Однако больше всего меня убеждает ваша искренность и душевное здоровье. В этом невозможно усомниться.

– Неплохо. Вы делаете успехи, – сказал Болсоувер.

– Я пытаюсь понять, какие вопросы могут возникнуть у моих читателей, не присутствовавших на сеансе. Нужно постараться заранее ответить на них. Во-первых, все происходило как-то необычно, по-домашнему что ли. О духах принято думать несколько иначе.

– Теории следует основывать на фактах, – сказал Мейли. – До сих пор человечество подгоняло факты к уже готовым теориям. Надо учитывать, что сегодня мы имели дело – это ни в коем случае не бросает тень на наших добрых хозяев – с невысокими духами, имеющими вполне определенные функции. Их нельзя назвать типичными обитателями потустороннего мира, как нельзя назвать портового грузчика типичным англичанином.

– А Люк? – возразил Болсоувер.

– Он, конечно, находится на более высокой ступени. Вы его слышали и можете сами судить. Еще вопросы, мистер Мелоун?

– Если можно. Почему все вершится в темноте? Это может вызвать определенные подозрения. Почему спиритизм так тяготеет к мраку?

– Не всегда, а только в случае работы с предметами. Тогда полная темнота действительно необходима. Это связано с причинами химического порядка. Фотограф ведь тоже проявляет пленку в темной комнате. В основе фотографирования лежит перенос на светочувствительную пленку тончайшей материальной субстанции с человеческого тела; затем в темной комнате она проявляется и закрепляется. Нечто подобное происходит и здесь. Теперь понятнее?

– Пожалуй, да. Но все равно жаль. Здесь самое уязвимое место.

– Иногда кое-что получается и на свету, – сказал Болсоувер. – Может, Уи Ван еще не ушла? Обождите минутку. Где у нас спички? – Он зажег свечу, после долгого сидения в темноте все отчаянно заморгали. – Сейчас посмотрим.

Среди прочих предметов, которыми забавлялись неведомые силы, было деревянное блюдо. Болсоувер пристально смотрел на него; остальные стали глядеть туда же. Все уже поднялись, но с места не двигались. До блюда было около трех футов.

– Уи Ван, ну, пожалуйста, – попросила миссис Болсоувер.

Мелоун не верил своим глазам. Блюдо зашевелилось. Оно дрожало, затем мелко застучало по столу, как крышка на кипящем чайнике.

– Подними его, Уи Ван! – просили все, радостно аплодируя.

При свете ярко горевшей свечи было отчетливо видно, как блюдо поднялось и стояло, пошатываясь на ребре, как бы пытаясь удержать равновесие.

– Наклони его три раза, Уи Ван.

Блюдо три раза наклонилось, потом упало и больше не двигалось.

– Рад, что вы видели это своими глазами. Самая простая и убедительная форма телекинеза.

– В это невозможно поверить! – воскликнула Энид.

– Совершенно согласен, – отозвался Мелоун. – Мои представления о возможном значительно расширились, и вы, мистер Болсоувер, способствовали этому.

– Рад слышать, мистер Мелоун.

– Но мне все-таки непонятно, что за силы стоят за увиденным нами. Что же касается самого явления, то теперь у меня нет ни малейшего сомнения в его существовании. Я знаю, что оно есть. Желаю вам всем спокойной ночи. Ни мисс Челленджер, ни я никогда на забудем этот вечер, проведенный под крышей вашего дома.

Когда молодые люди вышли на улицу и вдохнули свежий морозный воздух, им показалось, что они попали в другой мир. Здесь сновали такси, отвозившие праздных людей в места развлечений, в театры и кино. К ним подошел Мейли, как и они, поджидавший кэб.

– Могу представить себе ваши чувства. Глядя на этих суетливых самодовольных людей, вы поражаетесь, как мало знают они об истинном многообразии жизни. Вам хочется остановить их, рассказать, образумить. Однако в ответ они назовут вас обманщиками или безумцами. Смешно, не правда ли?

– Мои мысли в полном смятении.

– Завтра все придет в норму. Любопытно, как мимолетны такие впечатления. Еще станете убеждать себя, что вам все приснилось. Ну что ж, прощайте. Если я вам понадобится, всегда к вашим услугам.

Всю дорогу домой друзья – язык не поворачивается назвать их влюбленными – промолчали. Выйдя из кэба, Мелоун проводил девушку до дверей квартиры, но войти не посмел. Он чувствовал, что сейчас не смог бы вынести насмешек Челленджера, обычно только забавлявших его. Вроде тех, что слышал краем уха.

– А, Энид... Так где ж привиденьице? Вытряхивай его прямо на пол, дай-ка взглянуть.

Вечерние приключения завершились, как и начались, громовым хохотом профессора, который сопровождал Мелоуна до самого лифта.

Глава пятая, в которой наши деловые партнеры переживают еще одно удивительное событие

Мелоун сидел за боковым столиком в курительной комнате Литературного клуба. Перед ним лежали записи Энид, сделанные ею после сеанса; в них было много тонких наблюдений, и Мелоун занимался тем, что сводил их впечатления воедино. У камина несколько мужчин курили и болтали. Они нисколько не мешали журналисту – у того, как у многих его коллег, работа особо спорилась на людях, в живой обстановке. Но тут кто-то, заметив его присутствие, перевел разговор на спиритизм, и тогда заинтересованный Мелоун, откинувшись в кресле, прислушался.

Говорил известный романист Полтер. За этим неглупым человеком водилась одна странность: его абсолютно не волновало, на чьей стороне истина, и он всегда был готов употребить всю мощь своего интеллекта, чтобы отстаивать, забавы ради, заведомо ложные взгляды. Сейчас он разглагольствовал пред благоговейно внимавшей ему, хотя и не во всем с ним согласной, аудиторией.

– Наука, – говорил он, – постепенно выметает из нашей жизни паутину заблуждений и предрассудков. Мир похож на старый захламленный чердак, который наконец-то осветило солнце науки, и пыль послушно стала оседать на пол.

– Говоря о солнце науки, – задал кто-то коварный вопрос, – вы, наверное, подразумеваете ученых вроде сэра Вильяма Крукса, сэра Оливера Лоджа, сэра Вильяма Баррета, Ломброзо, Рише и тому подобных?

Полтер не привык к такого рода выпадам и потому разозлился.

– Вовсе нет, сэр, об этих субъектах я и не помышлял, – отрезал он. – Ни одного из них нельзя назвать настоящим ученым, потому что, несмотря на всю известность, у каждого очень мало последователей.

– Они не ученые, а маньяки, – вставил свое слово художник Поллифакс, раболепно преданный Полтеру.

Однако сбить с толку независимого журналиста Миллуорти – а именно он вступил в спор с писателем – было не так-то просто.

– Галилей слыл безумцем в свое время, – возразил он. – А как издевались над Гарвеем, впервые заговорившим о циркуляции крови!

– Сейчас для нас важнее циркуляция «Дейли газетт», – заметил остряк Меррибл, – она явно под угрозой. Если в ней печатают такую ерунду, значит, издателям абсолютно наплевать, где правда, а где ложь.

– Этими спиритуалистами должна заниматься только полиция, – сказал Полтер. – Зачем зря тратить силы и направлять человеческую мысль по ложному следу? Вокруг столько требующих скорейшего разрешения проблем. Надо заниматься делом, а не пустяками.

Сидевший тут же и все это время молчавший Аткинсон вдруг заговорил.

– А мне кажется, нашим ученым мужам следовало бы уделить больше внимания парапсихологии.

– Напротив, гораздо меньше.

– Меньше уж некуда. Они полностью игнорируют проблему. Не так давно я наблюдал несколько случаев телепатической связи, о чем собирался доложить членам Королевского научного общества. Мой коллега Вильсон, зоолог, тогда же написал статью по своей теме. Обе работы были посланы одновременно; его доклад утвердили, а мой нет. А знаете, как называлась его статья? «Репродуктивная система навозного жука».

Раздался дружный смех.

– Правильный выбор, – сказал Полтер. – Существование навозного жука, по крайней мере, не вызывает сомнений. Чего нельзя сказать обо всех этих духах.

– Думаю, вы основательно знакомы с предметом, раз ваши утверждения столь категоричны, – озорно заметил Миллуорти, тихий молодой человек с приятными манерами. – А вот у меня все не хватает времени. Не скажете ли, какую из трех книг профессора Кроуфорда вы считаете самой удачной?

– Никогда не слышал о таком ученом.

Миллуорти изобразил на своем лице сильнейшее удивление.

– Как же! Он признанный авторитет в этой области. Его книги знакомят читателя с данными лабораторных исследований. Не знать его работы и обсуждать спиритизм – все равно, что беседовать о зоологии, не читая Дарвина.

– Нельзя сравнивать науку и шарлатанство.

– Судить о вещах, которые специально не изучал, – какая уж тут наука? – возмутился Аткинсон. – Именно такие пустые разговоры натолкнули меня на мысль познакомиться со спиритизмом поближе: ведь известные ученые-спиритуалисты терпеливо и серьезно доискивались истины. Многим потребовалось около двадцати лет, чтобы прийти к определенному выводу.

– Чего стоят все их умозаключения, если сделанный вывод абсурден!

– Каждый из них выдержал долгую внутреннюю борьбу, прежде чем уверовал в истинность спиритизма. Я знаю нескольких таких людей – у них за плечами долгий путь познания.

Полтер всплеснул руками.

– Если так им удобнее, пусть верят в своих привидений, но только не пытаются сбить с толку меня – я хочу твердо стоять на земле.

– Скорее увязать в грязи, – возразил Аткинсон.

– Лучше увязать в грязи со здравомыслящими людьми, чем витать в облаках с психами, – сказал Полтер. – Я знаком с несколькими спиритуалистами и убежден, что половина из них дураки, а другая – плуты.

Сначала Мелоун прислушивался к разговору с интересом, но потом в нем стало нарастать раздражение. И вдруг он взорвался.

– Послушайте, Полтер, – сказал он, разворачивая стул в сторону спорщиков. – Именно такие, как вы, тупицы и олухи, тормозят прогресс. По вашим собственным словам, вы ничего об этом не читали и, могу поклясться, ничего не видели. Тем не менее вы, пользуясь своим положением и именем, заслуженным на совсем другом поприще, изо всех сил стараетесь дискредитировать людей, которые, как бы к ним ни относиться, серьезно и обстоятельно исследуют эту проблему.

– Вот как? – ответил Полтер. – Не знал, что вы принимаете этот вздор так близко к сердцу. В своих статьях вы не осмеливаетесь этого признать. Значит, вы сами спиритуалист. Но это перечеркивает ценность статей.

– Я не спиритуалист, но подхожу к проблеме непредвзято. Этим и отличается моя позиция от вашей. Вы называете этих людей обманщиками и дураками, но я-то знаю, что среди них есть такие, которым вы и в подметки не годитесь.

– Успокойтесь, Мелоун! – вмешалось сразу несколько человек, но разъяренный Полтер уже вскочил со стула.

– Из-за таких, как вы, клуб скоро опустеет, – воскликнул он, выходя из комнаты. – Во всяком случае, моей ноги здесь больше не будет. Зачем мне выслушивать оскорбления!

– Что вы натворили, Мелоун!

– Еле удержался, чтобы не вышвырнуть его за дверь. Таким, как он, плевать на человеческие чувства и убеждения. Этот преуспевающий выскочка думает, что для нас его присутствие большая честь.

– Узнаю ирландский темперамент! – сказал Аткинсон, похлопывая журналиста по плечу. – Придите в себя, неугомонный дух, и успокойтесь! Кстати, я хотел поговорить с вами. Даже немного задержался, ожидая, когда вы покончите с делами.

– Разве здесь можно работать? – кипятился Мелоун. – Особенно когда этот осел бубнит за спиной.

– Я не задержу вас долго. Известный медиум Линден, тот, о котором я вам уже говорил, проводит сегодня сеанс в Психотерапевтическом колледже. У меня есть лишний билет, пойдете?

– Еще бы!

– Могу поделиться еще одним. Оставил его для Полтера, но он сегодня невыносим. Линден ничего не имеет против скептиков, но не терпит агрессивных людей. Кому бы отдать билет?

– Мисс Челленджер пошла бы с удовольствием. Вы ее знаете, мы вместе работаем.

– Прекрасно. Вы ей сообщите?

– Конечно.

– Сеанс начнется в 7 часов. Психотерапевтический колледж, не забудьте. Тот, что находится в районе Голландского парка.

– Я знаю, где это. Спасибо. Мисс Челленджер и я придем вовремя.

Итак, наша парочка вновь отправилась на поиски новых спиритуалистических приключений. Они подобрали на Уимпл-стрит Аткинсона и поехали дальше через шумный с оживленным автомобильным движением центральный район, вытянувшийся от Оксфорд-стрит и Бейсуотера до Ноттинг-Хилла и величественных зданий Голландского парка. Такси остановилось у одного из особняков – большого красивого дома, стоявшего несколько в стороне от дороги. Им открыла дверь вышколенная горничная. В холле мягкий матовый свет падал на блестящую гладь линолеума, освещая в углах статуи из белого мрамора и безукоризненно отполированные предметы из дерева. Женское чутье подсказало Энид, что она оказалась в хорошо оборудованном солидном учреждении с талантливым руководством. Это «руководство» в лице приятной дамы, повидимому шотландки, встретило их в холле. Дама приветствовала Аткинсона как старого друга, а тот представил ее журналистам как миссис Огилви. Мелоун знал и раньше, что она вместе с мужем создала это уникальное заведение, ставшее центром психических исследований и весьма дорого им вставшее в плане не только материальных, но физических и душевных затрат.

– Линден с женой уже пришли, ждут наверху, – сказала миссис Огилви. – По его словам, условия для сеанса подходящие. Остальные – в гостиной. Не хотите ли к ним присоединиться?

На сеанс собралось довольно много народу, среди них были как известные специалисты в области парапсихологии, так и новички, заинтригованно глазевшие по сторонам. Стоявший у двери высокий мужчина повернулся, и молодые люди увидели открытое, рыжебородое лицо Альджернона Мейли. Они обменялись рукопожатиями. – Углубляете познания, мистер Мелоун? О предыдущем сеансе вы написали весьма объективно. Хотя вы и неопит, но, попав в святилище, ведете себя достойно. Вы чем-то напуганы, мисс Челленджер?

– Думаю, мне не о чем беспокоится, если вы рядом, – ответила девушка.

Мейли засмеялся.

– То, что вы увидите сейчас – материализация духа, – довольно впечатляющее зрелище. Для вас, Мелоун, оно будет весьма поучительным, так как подкрепляется фотографиями и прочим. Кстати, закажите себе снимок. Знаменитый Хоуп работает наверху.

– А вот фотографии я всегда считал фальшивками.

– Напротив, здесь как раз трудно придаться – доказательство налицо. Я присутствовал при дюжине разбирательств, и каждый раз правда оказывалась на нашей стороне. Опасно дру-

гое – жаждущие сенсации пройдохи-журналисты, которые публикуют фотографии, сопровождая их безграмотными пояснениями. Вы здесь кого-нибудь знаете?

– Никого.

– Высокая красивая дама – герцогиня Россландская. Вон те пожилые супруги у камина – лорд и леди Монтнуар. Искренние, доброжелательные люди. Не многие аристократы позволяют себе так серьезно и непредвзято относиться к спиритизму. А вот эта разговорчивая женщина – мисс Бэдли, светская дама; она посещает все сеансы – типичная любительница острых ощущений. Всегда ярче всех, громче всех, но за этим – пустота. Тех двух мужчин не знаю. Кажется, научные сотрудники из университета. Тучный мужчина, что стоит рядом с дамой в черном, сэр Джеймс Смит; в последней войне они потеряли двух сыновей. А высокий, смуглый, загадочного вида человек – отшельник Барклей, он выходит из своей комнаты только для того, чтобы поучаствовать в сеансах.

– А мужчина в роговых очках?

– Высокомерный осел по фамилии Уитерби, заблудившийся в темных лабиринтах масонства и теософии. Один из тех, что разглагольствуют, благоговейно понизив голос, о неких тайнах, которые на самом деле таковыми не являются. Такие, как он, считают спиритизм с его действительно глубокими и неразгаданными тайнами явлением вульгарным, ибо он приносит утешение простым людям. Любит читать книги, посвященные культу Афины Паллады, древним и существующим поныне шотландским ритуальным обрядам и фигуркам Бафомета. Элифас Леви – его пророк.

– Звучит весьма научно.

– Полный бред. А, здравствуйте. Вот и наши общие друзья.

Пришли Болсоуверы, оба разгоряченные, румяные и добродушные. В спиритизме нет деления на классы, в нем уравниены все, и уборщица с даром медиума почитаема больше миллионерши. Герцогиня как раз обратилась к ним с просьбой разрешить ей как-нибудь присутствовать у них на сеансе, когда в комнату торопливо вошла миссис Огилви.

– Кажется, теперь все в сборе, – сказала она. – Пора подниматься наверх.

Медиум и его жена ожидали их на втором этаже, в просторной уютной комнате, с расставленными круговую стульями. Небольшой пяточок комнаты был обгорожен портьерами, образуя кабинку. Мистер Линден оказался весьма учтивым, полноватым человеком с крупным, тщательно выбритым лицом.

Его голубые глаза задумчиво взирали на мир, а светлая кудрявая копна волос дыбом стояла на макушке. Медиум был человеком средних лет. Жена выглядела моложе, на ее лице застыло выражение недовольства, обычное для измученных бытом домашних хозяек, но взгляд пронизательных глаз мгновенно теплел и преображался, стоило ей только посмотреть на обожаемого супруга. Она должна была по ходу дела вносить нужные пояснения и следить за состоянием мужа, когда он впадал в транс.

– Садитесь, пожалуйста, – пригласил медиум. – Хорошо, если мужчины и женщины будут сидеть вместе. Не кладите ногу на ногу, это мешает циркуляции. Если материализация удастся, прошу не прикасаться к оболочке – вы можете навредить мне.

«Ищейки» из университета переглянулись. Их недоверчивые взгляды не ускользнули от Мейли.

– Такое бывает, – пояснил он. – Я сам присутствовал при двух случаях сильных кровотечений у медиумов.

– А что является причиной? – поинтересовался Мелоун.

– При материализации используется эктоплазма медиума. Поэтому неосторожное обращение бьет по нему. Если повреждается кожа, у медиума будет синяк. Если слизистая – кровотечение.

– А если ничего нет, то ничего и не будет, – сказал, усмехнувшись, университетский соглядатай.

– Постараюсь вкратце объяснить вам, что здесь произойдет, – сказала миссис Огилви, когда все расселись. – Мистер Линден не будет уединяться в кабинке, а останется снаружи, благо хорошо переносит красный свет, так что вы сможете воочию удостовериться, что во время сеанса он не поднимется со своего стула. Миссис Линден, находясь по другую сторону кабинки, будет следить за течением событий. А теперь можете осмотреть кабинку. Кроме того, попрошу кого-нибудь из присутствующих запереть дверь, а ключ оставить у себя.

Кабинка представляла из себя что-то вроде сооруженной из портьер палатки; стояла она на плотном деревянном настиле. Университетские сотрудники обшарили все вокруг, всюду совали свой нос и даже попрыгали на досках. Однако ничего подозрительного не обнаружили.

– А зачем нужна кабинка? – шепотом спросил Мелоун у Мейли.

– Служит резервуаром для эктоплазмы – испаряясь с тела медиума, она конденсируется в ней. Иначе рассеялась бы по всей комнате.

– А может, и не только для этого, – ехидно заметил один из «университетских», услышав их краем уха.

– И такое мнение есть, – философски отозвался Мейли. – Поэтому я всегда одобряю проверки и наблюдения. Но сейчас, когда медиум находится снаружи, это обвинение бездоказательно.

На том и сошлись.

Медиум сидел по одну сторону «палатки», его жена – по другую. Свет выключили, оставив только одну крошечную лампочку красного цвета, позволявшую различать лишь контуры предметов. По мере того, как глаза привыкали к темноте, стали проступать и детали.

– Вначале немного ясновидения, – объявила миссис Линден.

Ее поза – руки на коленях и уверенная осанка посвященной – заставили Энид улыбнуться и вспомнить миссис Джарли с ее восковыми фигурками.

Линден, пока еще не входя в транс, начал вещать. Получалось это у него не очень хорошо. Возможно, мешала разношерстность собрания – слишком много разнонаправленных волевых импульсов сконцентрировалось в относительно небольшом пространстве. Именно так объяснил это сам Линден, давший несколько никем не uznанных «портретов». Но Мелоуна больше шокировало другое. Он видел, как активно подсказывали медиуму гости. Конечно, вины Линдена здесь не было, но подсказки портили впечатление.

– Вижу кареглазого молодого человека с длинными усами.

– Это снова ты, дорогой? – вскричала мисс Бэдли. – Он хочет что-нибудь передать?

– Шлет вам привет и просит сказать, что никогда не забудет.

– Узнаю его. Он весь в этих словах! Моя первая любовь, – оповестила она громким шепотом собравшихся. – Он приходит всегда, не пропуская ни одного сеанса. Мистер Линден каждый раз вызывает его из мрака.

– Слева возник юноша в военной форме. Над его головой вижу символ, похожий на православный крест.

– Джим! Это же Джим! – выкрикнула леди Смит.

– Да. Он кивнул.

– Это, наверное, пропеллер, а не крест. Он ведь служил в Военно-Воздушных силах, – сказал сэр Джеймс.

Мелоун и Энид не могли скрыть своего разочарования. Мейли чувствовал себя неловко.

– Пока все идет неважно, – шепнул он Энид. – Но подождите немного. Увидите, дело поправится.

Дальше действительно положение несколько выправилось, и в одном из описаний Мелоун почти узнал профессора Саммерли. Но мысль о том, что Линден мог присутствовать

на предыдущем сеансе, заставила журналиста отнестись к его словам скептически. Работа миссис Деббс казалась Мелоуну более убедительной.

– Подождите, – повторил Мейли.

– Медиум переходит к материализации, – объявила миссис Линден. – Просьба при появлении фигур ни в коем случае не прикасаться к ним руками. Только если разрешит Виктор – наставник медиума.

Тем временем сам медиум, усевшись поглубже в кресло, глубоко задышал, выдыхая воздух через рот. Наконец он затих, челюсть отвисла – повидимому, впал в бессознательное состояние. Вдруг он заговорил, но его голос принадлежал теперь, казалось, человеку более утонченному и образованному.

– Добрый вечер! – сказал он.

По комнате прошелестело:

– Добрый вечер, Виктор!

– Сегодня не очень хорошая вибрация. Мешает некоторый скептический настрой, но он, к счастью, не доминирует, и потому постараемся добиться результатов. Мартин Лайтфут делает все, что может.

– Это его помощник, индеец.

– Думаю, стоит завести граммофон, музыка всегда помогает.

– Лучше всего духовный гимн, но можно и светскую музыку. Поставьте что-нибудь на ваше усмотрение, миссис Огилви.

Раздался скрежет – иголка не сразу встала на место. Но вот зазвучал гимн «Веди нас, Чудный свет». Присутствующие стали тихо подпевать. Затем миссис Огилви сменила пластинку, поставив «Боже, мы находим поддержку в прошлых веках».

– Они часто сами меняют пластинки, сказала миссис Огилви, – но сегодня слабая энергия.

– Все в порядке, – произнес тот же голос. – Энергии хватило бы и сегодня, миссис Огилви, но мы бережем ее для материализации. Мартин говорит, что все идет успешно.

Портьера у входа в кабинет заколыхалась, раздуваясь как от ветра. И действительно, почти сразу же все присутствующие почувствовали его ледяной порыв.

– Как холодно, – прошептала Энид, дрожа всем телом.

– На самом деле холодно – это не субъективная реакция, – пояснил Мейли. – Что и доказал в свое время мистер Гарри Прайс, замерив температуру. То же проделал и профессор Кроуфорд.

– Боже! – послышался сдавленный голос. Он принадлежал поклоннику масонства, любителю всего таинственного, который, наверное, впервые встретился с подлинной тайной. Портьеры раздвинулись, и из кабинета бесшумно выскользнула человеческая фигурка в черном одеянии. Дрожа и как бы страшась происшедшей с ней метаморфозы, она замерла как раз между хорошо видимым в кресле медиумом и вскочившей со своего места миссис Линден. Последняя как могла старалась успокоить и ободрить видение.

– Не волнуйтесь так, дорогая. Все в порядке. Вас никто не обидит.

– Она из тех, кто здесь впервые, – объяснила миссис Линден гостям. – Многие пугают ее. И это естественно. Мы бы тоже испугались, перенесись мы мгновенно в их мир. Все хорошо, дорогая. К вам постоянно прибывают силы. Все идет нормально.

Видение приблизилось к людям. Все замерли, не сводя глаз с одинокой фигурки. Мисс Бэдли нервно захихикала. Охваченный ужасом Уитерби откинулся назад и тяжело задышал. Мелоун и Энид не испытывали страха, а напротив, сгорали от любопытства. С улицы доносился однообразный шум. Там шла обычная жизнь, здесь же они находились с глазу на глаз с таинственным призраком. Поразительно!

Видение медленно двигалось по кругу. Вот оно поравнялось с Энид, оказавшись как раз напротив источника света. Наклонившись вперед, девушка могла отчетливо разглядеть женский силуэт. Это была пожилая женщина, черты ее лица становились видны все отчетливее.

– Это Сьюзен! – воскликнула миссис Болсоувер. – О, Сьюзен, узнаешь ли ты меня?

Фигурка повернулась к ней и утвердительно кивнула.

– Конечно же, дорогая, это твоя сестра Сьюзен, – вскричал и ее муж. – Она всегда ходила в черном. Поговори с нами, Сьюзен!

Видение покачало головой.

– В первый раз они никогда не говорят, – объяснила миссис Линден. Ее спокойствие и даже несколько деловитое отношение к происходящему контрастировало с нервической реакцией остальных.

– Боюсь, она долго не продержится. Вот... уже исчезла.

Фигурка, сделав несколько неловких шагов в направлении кабинки, как бы провалилась под землю – во всяком случае, так показалось гостям. Больше они ее не видели.

– Нужна музыка! – решила миссис Линден. Все облегченно вздохнули и зашевелились. Зазвучала приятная мелодия. Неожиданно портьеры вновь раздвинулись и показалось еще одно видение.

Это была совсем юная девушка с длинными распущенными волосами. Она быстро и решительно направилась в середину круга.

Миссис Линден удовлетворенно засмеялась.

– Вот теперь будет интереснее, – сказала она. – К нам пришла Люсиль.

– Добрый вечер, Люсиль, – приветствовала девушку герцогиня. – Мы виделись месяц назад, когда медиум проводил сеанс на Малтревер-Тауэрс.

– Конечно, я помню вас. К вам еще приходил маленький мальчик Томми. Нет, не называйте его мертвым. В нас больше жизни, чем в людях. Мы и живем веселее, резвимся, шалим. – Люсиль говорила звонким голосом, ее английский язык был безупречен.

– Сейчас я вам покажу, что мы здесь можем делать, – сказала она и заскользила по полу в грациозном танце, весело насвистывая мелодию. – Бедная Сьюзен еще не может так танцевать. У нее нет практики. А Люсиль научилась владеть новым телом.

– Ты помнишь меня, Люсиль? – спросил Мейли.

– Конечно, мистер Мейли. Вас нельзя забыть: вы такой большой, да еще с рыжей бородой.

Тут Энид второй раз в жизни пришлось ущипнуть себя, чтобы увериться, что она не спит. Откуда взялось это изящное создание, усевшееся теперь на стул в центре круга? Что это? Действительно ли материализованная эктоплазма, служащая временным пристанищем духа умерших людей? Обман чувств? Жульничество? Нужно было выбирать что-то одно из трех. Обман чувств отпадал сразу: не могло же всем померещиться одно и то же? Жульничество? Но видения разительно отличались друг от друга. Девушка была значительно выше пожилой женщины и в отличие от той обладала белокурыми волосами. Кроме того, перед сеансом кабинку тщательно обследовали и тогда же убедились, что ее устройство исключает возможность обмана. Оставалось только признать, что все происходит на самом деле. А если так, какие увлекательные перспективы сулит подобное открытие! Человечеству поистине следовало бы бросить все и заняться этим феноменом.

Между тем естественность Люсиль успокоила даже самых впечатлительных и нервных людей, все постепенно освоились и почувствовали себя свободно. Девушка с готовностью отвечала на сыпавшиеся со всех сторон вопросы.

– Где ты жила, Люсиль?

– На этот вопрос лучше отвечу я, – вмешалась миссис Линден. – Нужно экономить энергию. Люсиль жила в Америке, ее родной штат – Южная Дакота, она умерла в возрасте четырнадцати лет. Кое-что из приведенных ею данных мы перепроверяли.

– Ты рада, что умерла, Люсиль?
– Мне здесь лучше. Но жаль мамочку.
– Она ничего не знает о тебе?
– От бедной мамочки меня отделяет стена из предрассудков. Мне трудно пробиться к ней.

– Ты счастлива?
– Очень.
– А это не грех, что ты приходишь к нам?
– Раз Бог позволяет, значит, не грех. А вот вам грешно сомневаться в Нем.
– Какую ты исповедовала религию?
– Католичество.
– Это правильная религия?
– Все религии правильные, если помогают человеку стать лучше.
– Значит, безразлично, к какой церкви принадлежать?
– Важно, что люди делают, а не во что верят.
– Расскажи еще что-нибудь, Люсиль.

– У меня мало времени. К вам хотят прийти многие. Если я истрачу всю энергию, не останется другим. Знайте только – Бог очень добр. Вы, несчастные люди, даже не представляете, как Он благодетен и великодушен: у вас на земле так сумрачно и неприветливо. Но это для вашей же пользы. Вам дается шанс заслужить небесное блаженство. А попав сюда, вы поймете, как Он велик и прекрасен.

– Ты видела Его?

– Что вы! Как можно видеть Бога? Он снаружи нас и внутри, Он всюду – Его невозможно лицезреть. Но я видела Христа. Он был в сиянии. А теперь прощайте... – Девушка шагнула в сторону кабинки и растворилась в темноте.

Мелоун не знал, какое потрясение приготовила ему судьба на сегодняшний вечер. Из кабинки медленно вышла женщина. Невысокого роста, смуглая, довольно плотная. Миссис Линден сказала ей несколько ободряющих слов, а затем подошла к журналисту.

– Она пришла к вам. Войдите в круг и приблизьтесь к ней.

Мелоун сделал несколько шагов вперед, всматриваясь со страхом в лицо призрака. Расстояние между ними было не более фута. Что-то знакомое угадывалось в очертаниях крупной головы, тяжелой, осанистой фигуры. Он приблизился почти вплотную к видению, напрягая зрение изо всех сил. Ему показалось, что черты лица призрака постоянно изменяются, как будто кто-то невидимый продолжает лепить его.

– Мама! – крикнул он. – Мама!

В ту же секунду женщина в радостном порыве простерла к нему руки. Движение было столь резким, что она потеряла равновесие и растаяла.

– Она первый раз появилась перед людьми, поэтому и не могла говорить, – деловито пояснила миссис Линден. – Это была ваша мать.

Мелоун вернулся на свое место совершенно ошеломленный. Всю силу таких явлений понимаешь, когда дело касается лично тебя. Его мать! Спустя десять лет после смерти она снова стояла перед ним. Мог бы он поклясться, что это действительно была его мать? Нет, не мог бы. Но сердце говорило: да, это она. Мелоун был потрясен до глубины души.

Но вскоре новые чудеса захватили его. Из кабинки быстрым шагом вышел молодой человек и напрямик направился к Мейли.

– Привет, Джок! Привет, старина! – радостно встретил его Мейли. – Мой племянник, – представил он собравшимся юношу. – Всегда приходит, когда Линден проводит сеанс.

– Энергия убывает, – прозвучал чистый юношеский голос. – Мне придется скоро уйти. Я так рад нашей встрече, дядя. Отлично вижу тебя при этом свете, лучше, чем ты меня.

– Знаю, Джок. Вы можете видеть и в полной темноте. Я беседовал с твоей матерью, говорил, что видел тебя. Она страшится таких встреч, твердит, что это большой грех.

– Я так и предполагал. Она думает, что здесь не обошлось без дьявола. О, как жалки и убоги такие представления! В конце концов люди поймут... – юноша не выдержал и разрыдался.

– Не осуждай свою мать, Джок, она ведь искренне верит в это.

– Я и не осуждаю. Со временем она узнает правду. Близится день, когда истина откроется всем, и тогда рухнут прогнившие церкви, никто не будет рабски исповедовать их жестокие учения, в которых Бог выглядит карикатурой на себя.

Мама! – крикнул он. – Мама!

– Джок, ты стал еретиком!

– Любовь, дядя, любовь! Только она принимается в расчет. Верь во что хочешь, но только будь добр и милосерден, как заповедал Христос.

– Вы видели Христа? – спросил кто-то из присутствующих.

– Еще нет. Но, надеюсь, такое время придет.

– Он разве не на небе?

– Небесных сфер много. Я поднялся невысоко. Но здесь все равно чудесно.

Во время этой беседы Энид подалась немного вперед. Глаза ее привыкли к темноте, и теперь она видела гораздо лучше. Девушка могла поклясться, что стоящий в нескольких футах от нее мужчина не был человеком, но в чем заключалась разница, ответить не смогла бы. Станным, бледно-желтым оттенком лица он резко отличался от сидевших в комнате мужчин и женщин. Держался этот юноша тоже как-то неестественно, напоминая походкой движения больных людей, затянутых в корсет.

– А теперь, Джок, – попросил Мейли, – расскажи что-нибудь нам всем. Ну, хотя бы о своей жизни там.

– Нет, дядя, не могу.

– Ну, пожалуйста, Джок, нам так хочется послушать тебя.

– Просвещайте людей. Говорите им, чем является смерть на самом деле, – заговорил призрак. – Бог хочет, чтобы люди узнали об этом. Потому Он и посылает нас. Смерти нет. Вы как бы переходите в другую комнату. Трудно поверить, что ты умер. Я сам долго не верил, пока не увидел старого Сэма – уж в его-то смерти сомневаться не приходилось. И тогда я явился своей матери. Но она, – голос юноши дрогнул, – не признала меня.

– Не расстраивайся так, дорогой Джок, – сказал Мейли. – Она еще придет к высшей мудрости.

– Просвещайте людей! Учите их! Это важнее всего на свете. Если бы газеты, оставив всего на неделю болтовню о футболе, уделили бы такое же внимание спиритизму, люди узнали бы наконец истину. Всеобщее невежество...

Что-то яркое метнулось в направлении кабинки, мгновенная вспышка – и юноша исчез.

– Энергия кончилась, – сказал Мейли. – Бедный мальчик держался до конца. Похоже на него. Он и умирал так же.

Все молчали. Зазвучала музыка. Портьеры заколыхались – кто-то пытался выйти из кабинки, но миссис Линден, вскочив со стула, воспрепятствовала этому. Медиум впервые за весь сеанс зашевелился в кресле и застонал.

– Что случилось, миссис Линден?

– Неполная материализация – у этого призрака отсутствовала нижняя часть лица. Кто-нибудь мог испугаться. Думаю, на сегодня достаточно. Энергия почти на нуле.

Сказано – сделано. Понемногу комната осветилась. Медиум лежал, откинувшись в кресле, лицо его было бледным, на лбу выступил пот. Жена суежилась вокруг него, расстегивая воротничок и смачивая водой лицо. Гости, разбившись на группы, обсуждали увиденное.

– Потрясающе! – восклицала миссис Бэдли. – Неповторимое зрелище! Жаль только, что мы не увидели частично материализованный дух.

– Нет уж, спасибо, – сказал мистик, потерявший большую часть своего высокомерия. – Для моих нервов это слишком.

Аткинсон подошел к ученым.

– Что вы об этом думаете? – спросил он.

– В Масклин-Холле сеанс прошел удачнее, – ответил один.

– Помилуй, Скотт! – оборвал его другой. – Это несправедливо. Ты сам признал, что кабинка пуста.

– То же самое можно сказать и о сцене Масклин-Холла.

– Но у Линдена нет своей сцены. Он не может использовать театральную машинерию.

– *Populus vult decipi*,⁶ – ответил первый, пожав плечами. – Остаюсь при своем мнении. – И он направился к выходу с видом человека, которого не так просто обмануть, а его менее скептический друг поспешил за ним, продолжая спорить.

– Ну, что вы на это скажете? – сказал Аткинсон. – Есть такой тип ученых, которые невосприимчивы к новому знанию и закоснели в предрассудках. Они из всех сил напрягают свои мозги, чтобы отыскать боковые пути, хотя перед ними – прямая дорога. Когда человечество вступит в царство разума, эти люди будут плестись в хвосте.

– Нет, – проговорил Мелоун, смеясь. – Замыкать шествие будут епископы. Так и вижу, как они, сбившись в кучу, идут, путаясь в сутанах, и последними входят в царство истины.

– Что-то уж больно сурово, – не одобрила Энид. – Среди них много хороших людей.

– Конечно, много. Но здесь причины чисто психологического порядка. Все они пожилые люди, их мозг поражен склерозом и с трудом воспринимает новое. В этом нет их вины, но факт остается фактом. Что вы замолчали, Мелоун?

⁶ Народ хочет быть обманутым (*лат.*).

А тот вновь увидел пред собою маленькую, приземистую фигурку, вспомнив, как радостно, заслышав его голос, простерла она к нему из темноты руки.

Глава шестая, где читатель знакомится с характером и привычками известного преступника

Оставим на время наших героев, с которыми мы совершили увлекательное путешествие в зыбкий и туманный, но бесконечно важный для человечества мир иного опыта и иной мысли, и перейдем теперь от исследователей к исследуемому. Войдем в дом Линдена и всмотримся в жизнь профессионального медиума со всеми ее светлыми и темными сторонами.

Чтобы попасть к нему, пройдем по шумной Тоттенгэм-Корт-роуд, где разместились крупные мебельные магазины, и свернем на тихую, ведущую к Британскому музею улочку, сплошь застроенную однообразными, унылыми домами. Улица эта именуется Тулмис-стрит, а дом под номером сорок именно тот, который нам нужен. Он ничем не выделяется среди остальных – такой же серый и невыразительный. Поднимемся по ступеням к потемневшей от времени двери, откуда через окошечко робкий посетитель может увидеть лежащую в передней на маленьком круглом столике огромную Библию в позолоченном переплете и взбодриться духом.

Откроем безотказным ключом воображения запертую дверь и, пройдя через сумрачный холл, поднимемся наверх по узкой лестнице. Хотя почти десять часов утра, мы найдем знаменитого чудесника еще в спальне. Не надо забывать, что вчера вечером он провел трудный сеанс – для восстановления сил требуется время.

Когда мы так бесперемонно растворили дверь в спальню, медиум сидел в постели, облокотившись на подушки, на коленях – поднос с завтраком. Если бы сейчас его увидели те люди, что молились вместе с ним в спиритуалистических церквях или благоговейно внимали ему на сеансах, где он демонстрировал величайшие способности духа, то они, вероятно, не смогли бы сдержать улыбки. При тусклом утреннем свете лицо его казалось болезненно бледным, а кудрявые волосы нелепой копной вздымались над высоким, говорящим об остром уме лбом. Распахнутый ворот ночной рубашки открывал массивную, бычью шею, а широкие грудь и плечи свидетельствовали о недюжинной силе. Он жадно поглощал завтрак, одновременно беседуя со своей черноглазой живой женошкой, присевшей на край постели.

– Так ты считаешь, Мэри, что все прошло неплохо?

– Сносно, Том. Там были двое, они всюду совали носы, вынюхивали и выпытывали. Называют себя учеными. Боюсь, в присутствии таких пройдох даже у библейских патриархов опустились бы руки. Какой уж тут союз сердец, о котором говорится в Библии.

– Ты абсолютно права! – в сердцах воскликнул Линден. – Герцогиня была довольна?

– Думаю, очень. И Аткинсон, хирург, тоже. Был еще новый гость, журналист Мелуон. Лорду и леди Монтнуар, а также сэру Джеймсу Смиту и мистеру Мейли явились их близкие.

– Не удалась часть вечера, посвященная ясновидению. В голову все время лезли их глупые мысли, вроде: «Это, наверняка мой дядя Сэм». Очень мешает.

– А они-то думали, что помогают. Таких людей много. Других сбивают с толку, а себя только обманывают.

– А вот в транс я вошел легко, и рад, что материализация удалась. Но сил потерял много. Сегодня утром я как выжатый лимон.

– Да, тебе прилично досталось. Пожалуй, надо поехать в Маргит отдохнуть.

– Может, на Пасху удастся выкроить недельку. Хотелось бы. Чтение мыслей и ясновидение еще куда ни шло. А вот материализация меня очень изматывает. Но я еще не так плох, как Хэллоуз. Тот, говорят, после сеансов не может перевести дух и валится замертво на пол.

– Говорят, – с горечью подтвердила жена. – Его каждый раз отпаивают виски. Он уже не может обойтись без алкоголя, и скоро, у нас будет еще один медиум-пьяница. Все наперед известно. Остерегайся этого, Том!

– При нашей профессии нельзя употреблять крепкие напитки и лучше быть вегетарианцем. Но призывать к этому я не могу, потому что сам объедаюсь яйцами и беконом. Господи, Мэри! Уже больше десяти, а я жду утром нескольких клиентов. Надо немного подработать.

– Деньги прямо тают, Том.

– К чему нам лишние деньги? На жизнь есть – и хватит. Сядем на мель – о нас позаботятся.

– Потерявшие силу медиумы никому не нужны. О них быстро забывают.

– Забывают богачи, а не настоящие спиритуалисты, – пылко возразил Том Линден. – Стыдно вспомнить, как некая леди или некая графиня, изливавшаяся в благодарности медиуму, даровавшему покой их душам, затем преспокойно давали ему умирать в канаве или гнить заживо в доме престарелых. Взять хотя бы бедного старину Твиди или несчастного Сомса – жили на нищенскую пенсию, а газеты только и знают, что трезвонят на весь свет, что медиумы купаются в роскоши. Да любой фокусник со своими нелепыми трюками живет лучше нас!

– Не волнуйся, дорогой! – умоляла жена, ласково глядя Линдена по взлохмаченной гриве. – Со временем каждому воздастся по заслугам.

Линден засмеялся.

– Это во мне бушует валлийская кровь. Бог с ними! Пусть богатые жадничают, а фокусники гребут свои грязные деньги. Они все равно не умеют ими со вкусом распорядиться. Платят налог на наследство – вот и вся радость. Вот если бы у меня были их деньги...

В дверь постучали.

– Сэр, пришел ваш брат Сайлас.

Супруги сокрушенно обменялись взглядами.

– Еще и это, – грустно промолвила миссис Линден.

Линден пожал плечами:

– Успокойся, Мэри. Скажи, что я сейчас спущусь. Поди составь ему компанию, а я присоединюсь к вам через четверть часа.

Указанное время еще не истекло, а он уже вышел в гостиную, где обычно принимал посетителей, и сразу заметил, что разговор у жены с гостем не клеится. Сайлас Линден был крупным человеком могучего телосложения и чем-то неуловимо напоминал старшего брата, хотя в нем отсутствовали приветливость и добросердечие медиума, а в чертах лица читались жестокость и грубость. Голову украшала такая же копна густых волос, но тяжелая нижняя челюсть говорила об упрямстве. Он сидел у окна, сложив на коленях веснушчатые руки. Эти руки составляли главное богатство Сайласа Линдена: он был профессиональным боксером, грозой ринга, и одно время его называли одним из лучших в полусреднем весе. Но это осталось в прошлом, теперь он переживал тяжелое время, о чем свидетельствовали потертый твидовый пиджак и стоптанные ботинки. Впрочем он нашел выход – тянул деньги с брата.

– Салют, Том, – хрипло приветствовал он Линдена и, дождавшись, когда Мэри вышла из комнаты, шепнул:

– Не найдется у тебя глотка виски? Голова раскалывается. Вчера встретил в «Адмирале Верноне» корешей по клубу. Не видел их сто лет. Здорово кутнули!

– Прости, Сайлас, – ответил медиум, усаживаясь за рабочий стол, – но мы не держим в доме спиртное.

– Какой же ты спиритуалист без спиртного? – топорно сострил Сайлас. – Ладно, давай деньгами. Фунта достаточно – я совсем на мели.

Том Линден достал из стола банкноту.

– На, возьми. Пока у меня есть деньги, я тебя не оставляю. Но на той неделе ты получил уже два фунта. Неужели все потратил?

– До последнего пенса. Клянусь! – Сайлас положил деньги в карман. – Послушай, Том, хочу поговорить с тобой начистоту, как мужчина с мужчиной.

– Слушаю тебя, Сайлас.

– Вот, взгляни. – Боксер показал бугорок на руке. – Сместилась кость. Видишь? Теперь ничего не исправишь. Это случилось, когда я в третьем раунде нокаутировал Керли Дженкинса. Хотя лучше сказать, что я нокаутировал себя. И на всю жизнь. Что я теперь могу? Провести показательный бой и только. Для настоящего бокса уже не гожусь. Моя правая вышла из строя.

– Мне жаль, Сайлас.

– А мне как жаль! Но речь о другом. Мне нужно как-то зарабатывать на жизнь. А как? Что может делать бывший боксер? Работать вышибалой в ресторане? Нет уж, дудки! Ты Расскажи мне лучше, Том, как стать медиумом?

– Медиумом?

– Ну, что ты уставился? Если ты с этим справляешься, то я и подавно.

– Но ты не медиум.

– Слушай, оставь... Побереги пыл для газет. Мы свои люди. Лучше скажи, как ты проделываешь свои штучки?

– Но я ничего не проделываю...

– За «ничего» не платят четыре или даже пять фунтов в неделю. Не валяй дурака, Том. Меня не проведешь – не из тех я олухов, что платят денежки, чтобы посидеть часок в темноте. Здесь только ты и я. Ну, как ты это делаешь?

– Что «это»?

– Ну, хоть постукивания. Раз я видел, как ты, сидя за столом, задавал вопросы, а ответы через стук приходили откуда-то сверху, со стороны книжной полки. Как у тебя получаются такие фокусы?

– Повторяю тебе, я ничего не делаю! Все происходит само собой.

– Тысяча чертей! Уж мне-то можешь сказать, Том. Буду нем, как рыба. Надо же мне зарабатывать себе на пропитание...

И тут, второй раз за утро, валлийский темперамент медиума дал о себе знать.

– Наглый, бестыжий подонок! Вот такие, как ты, и позорят спиритизм. Неужели ты думал, что я обманываю людей? Вон из моего дома, неблагодарная свинья!

– Прошу без оскорблений! – прорычал вымогатель.

– Вон отсюда, а то не посмотрию, что ты мой брат, и спущу с лестницы!

Сайлас стиснул кулаки, глаза его налились кровью. Но мысль о предстоящей выпивке несколько успокоила его.

– Ладно, уйду, – проворчал боксер и направился к двери. – И без твоей помощи обойдусь. – Но когда он стоял уже на пороге, обида вдруг перевесила в нем благоразумие. – Чертов лицемер! Жалкий фокусник! Я еще сравняюсь с тобой!

И он с силой захлопнул за собой дверь.

Миссис Линден вихрем ворвалась в комнату.

– Гнусный негодяй! – выкрикнула она. – Я слышала последние слова. Что ему от тебя надо?

– Просил сделать его медиумом. Думает, что это все – фокусы, и хотел научиться им.

– Глупец, но нет худа без добра. Теперь он не осмелится здесь показаться.

– Ты так думаешь?

– Да я просто не впускаю его в дом. Так взволновать тебя! Ты весь дрожишь.

– Иначе я не был бы медиумом. Тут все дело в утонченности нервной системы. Кто-то сказал, что мы своего рода поэты. Но сейчас перед работой волнение некстати.

– Я успокою тебя.

Она положила натруженные руки на его лоб и немного подержала их там.

– Теперь лучше, – сказал Линден. – Отлично, Мэри. Выкурю на кухне сигарету, и все будет в полном порядке.

– Кто-то идет, – заметила Мэри, глядя в окно. – Это женщина, ты примешь ее?

– Да, конечно. Мне уже хорошо. Проводи ее сюда.

Вскоре в комнату вошла женщина. Ее бледное, как смерть, лицо и траурная одежда говорили о постигшем ее горе. Линден жестом пригласил женщину сесть, а сам быстро просмотрел записи.

– Вы миссис Блаунт? Записаны на прием?

– Да... Я хотела спросить...

– Пожалуйста, никаких вопросов. Вы мне мешаете.

Он вглядывался в женщину поособому, как вглядываются медиумы – казалось, взгляд его серых глаз устремлен мимо нее.

– Хорошо сделали, что пришли. Очень хорошо. Я вижу близкого вам человека, у него для вас срочное сообщение. Слышу... Фрэнсис... да, Фрэнсис.

Женщина заломила в отчаянии руки.

– Так его звали.

– Темноволосый мужчина, он печален и серьезен. Собирается что-то сказать вам. Это важно. Вот его слова: «Мой колокольчик!» Как это понимать?

– Он так называл меня. О, Фрэнк, поговори со мной! Скажи еще что-нибудь!

– Он говорит, а его рука скользит по вашим волосам: «Мой колокольчик! Если ты совершишь задуманное, между нами разверзнется пропасть, преодолеть которую мы будем долгие годы». Это вам что-нибудь говорит?

Женщина вскочила на ноги.

– Все на свете. Визит к вам, мистер Линден, был моим последним шансом. Если бы он не удался и я бы поняла, что навсегда потеряла мужа, то отправилась бы вслед за ним. Сегодня вечером я собиралась выпить яд.

– Слава Богу, что Он помог спасти вас. Лишить себя жизни – большой грех, сударыня. Поступая так, вы нарушаете закон природы, за этим обязательно следует возмездие. Какое счастье, что вашему мужу удалось успокоить вас. Он хочет еще кое-что добавить: «Живи достойно, честно исполняй свой долг, а я всегда буду рядом, ближе, чем когда-либо в жизни. Буду охранять твой покой и трех наших детишек».

Перемена свершилась на глазах. Бледная, измученная женщина преобразилась – щеки зарделись, губы заулыбались. По ее лицу струились слезы, но это были слезы радости. Она хлопала в ладоши от счастья, и, казалось, вот-вот пустится в пляс.

– Он не умер! Не умер, иначе он не говорил бы со мной и не обещал быть ближе, чем при жизни. Чудесно! О, мистер Линден, я обязана вам всем! Вы вернули мне мужа! Вы спасли меня от позорной смерти. Какой же божественной силой вы наделены!

У медиума с его тонкой нервной организацией глаза тоже были мокры от слез.

– Моя дорогая, ни слова больше. Я здесь ни при чем. Возблагодарите Бога, который в Своей бесконечной доброте позволил вашему мужу послать о себе весточку. А мой гонорар – всего лишь гинея, если для вас это не много. Приходите сюда в любой день, если будет нужда.

– Теперь я буду смиренно нести свой крест, – проговорила женщина, всхлипывая и утирая слезы, – и честно исполнять свой долг, пока Бог не призовет меня и мы не соединимся наконец с мужем.

Вдова ушла, а Том Линден почувствовал, как неприятный осадок, оставшийся после визита брата, постепенно проходит, вытесняемый светлым радостным чувством, ибо нет в жизни большего счастья, чем возможность помочь ближнему. Не успел он вновь усесться в кресло, как вошел новый посетитель. Это был щегольски одетый светский человек в белоснежной рубашке и сюртуке, с озабоченным видом человека, у которого расписана каждая минута.

– Вы, полагаю, мистер Линден? Много наслышан о ваших способностях. Говорят, вы можете по предмету составить представление о его владельце.

– Иногда удается. Но точно ручаться не могу.

– Давайте все же попробуем. Сегодня утром я получил письмо и принес его сюда. Хотелось бы попросить вас испытать на нем вашу силу.

Медиум взял сложенное письмо и, откинувшись в кресле, приложил его ко лбу. Минуту или две он держал глаза закрытыми. Затем вернул письмо владельцу.

– Мне оно не нравится, – сказал он. – Ощущаю скрытое зло. Вижу мужчину в белом костюме. Лицо загорелое. Что-то пишет на столе из пальмового дерева. Жарко. Письмо из тропиков.

– Да, из Центральной Америки.

– Больше ничего сказать не могу.

– Неужели духи так мало знают? Я полагал, им ведомо все.

– Далеко не все. Их знания и поле действия ограничены так же, как и у людей. К тому же ваша просьба относится к области психометрии, не имеющей к духам прямого отношения.

– Но дело не исчерпывается этим. Мой корреспондент хочет видеть меня партнером в буровых работах. Мне надо знать – соглашаться или нет?

Том Линден покачал головой.

– Сила дается медиумам для утешения страждущих и для доказательства бессмертия человека. Она не может использоваться в корыстных целях. В противном случае недобровольно ни медиуму, ни клиенту. Поэтому позвольте мне не отвечать на ваш вопрос.

– Деньги для меня не имеют значения, – сказал мужчина, вытаскивая бумажник из бокового кармана.

– Не в этом дело, сэр. Я не богат, но поступать против совести не буду.

– Какой тогда прок от вашего дара? – спросил гость, поднимаясь. – Проповедь я могу выслушать и в церкви от священника, который, в отличие от вас, имеет на это право. Вот ваша гиней, хоть вы ее и не заслужили.

– Простите, сэр, я не могу нарушить правило... Пойдите, я вижу рядом с вами даму, прямо за левым плечом... пожилую даму.

– Да хватит, – с досадой отмахнулся финансист, направляясь к двери.

– На груди у нее медальон с изумрудным крестом.

Мужчина остановился и с удивлением посмотрел на медиума.

– Откуда вы это узнали?

– Просто вижу.

– Послушайте, старина, точно такой медальон носила моя покойная мать. Вы хотите сказать, что видите ее?

– Теперь уже нет. Она исчезла.

– Как она выглядела? Что делала?

– Она все повторяла, что была вашей матерью. И горько плакала при этом.

– Плакала? Моя мать? Но если она где-то есть, то только на небе. Там не плачут.

– Это мы так думаем. На самом деле плачут. Но только из-за нас. Она просила вас кое-что передать.

– Валяйте.

– «О, Джек! Милый Джек! Ты навсегда уходишь от меня!»

Мужчина презрительно отмахнулся.

– Жалею, что, записываясь на прием сказал свое настоящее имя. Свалю дурака, каюсь. Вы, конечно, навели справки. Но вам меня не надуть. С меня хватит! Сыт по горло!

Второй раз за утро разгневанный гость хлопнул входной дверью.

– Ему не понравились слова матери, – объяснил Линден жене. – Бедняжка! Она так страдает из-за сына. Господи! Если бы только люди знали правду, это принесло бы больше пользы, чем все церковные службы и церемонии.

– Не твоя вина, Том, что грешники заблуждаются. Кстати, тебя ждут еще две женщины. У них нет рекомендательного письма, но, может быть, ты примешь их – оне выглядят такими убитыми.

– У меня разболелась голова. Никак не отойду после вчерашнего вечера. Здесь мы с Сайласом похожи, он тоже наутро после матча не в своей тарелке. Ладно, приму уж этих женщин – грех отсылать людей ни с чем, тем более в горе. Но больше не приму никого.

В комнату вошли две женщины в строгих черных платьях, старшей – с суровым лицом – было около пятидесяти, другой – вдвое меньше.

– Вы берете гинею за визит? – спросила та, что постарше, кладя деньги на стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.